

Сергей Шапурко
ЧАЙКИ ЗА КОРМОЙ
Сборник веселых повестей

ЧАЙКИ ЗА КОРМОЙ

*«Ах, ты
палуба-палуба,
Ты меня раскачай
И печаль мою,
палуба,
Расколи о причал!..»*

*(Слова из старой
песни)*

Глава 1

Весна окатила приморский город желтыми россыпями солнечного света. Теплые воздушные потоки метались по городу и бесцеремонно лезли под юбки гражданок. Слегка отощавшие за зиму коты покинули свои логова и деловито путались под ногами прохожих. По проспектам весело мчались троллейбусы, искря проводами и обдавая незадачливых горожан водяным градом из

прозрачных луж. Воробьям напекло солнцем их маленькие головки, и они чирикали без перерыва. Школьники, студенты, инженеры, рабочие, домохозяйки, романтические девушки, милиционеры и пацаны улыбались друг другу, забыв на время о некомфортности жизни в перестроечный период. Лишь только смоляного цвета ворона сидела на крыше кафе и с презрением каркала на слегка сошедший с ума город.

Напор весны был столь силен, что начальник городской пожарной команды бросил курить, а местный скульптор, имеющий звучную фамилию Прибоев и обширную лысину, приобрел у цыган средство для ращения волос. Секретарша начальника порта, с удивлением узнав, что беременна, стала вежливее отвечать на телефонные звонки. Даже сторож рыбного склада Кузьмич, пессимист и матершинник, отметил свою семидесятую весну покупкой оранжевого галстука.

— Ты посмотри, Коля, какой хорошо знакомый нам человек в автобусе сидит!

— И действительно! Три дня его по всему городу ищем, а он вот где.

Двое мужчин серьезного вида подошли к готовящемуся к отъезду автобусу и постучали по стеклу. Автовокзал, надышавшись весной, жил своей жизнью, не вникая в подробности взаимоотношений людей. Рейсовые «Икарусы»

отправлялись в далекие и не очень края строго по расписанию, пассажиры, как им и положено, метались по территории, как тараканы, почуявшие дихлофос.

Сидящий за стеклом гражданин был не кто иной, как Михаил Балалайкин, создатель липовой фирмы «Марин Форс», якобы занимавшейся отправкой моряков в заграничье. В действительности же Михаил собирал с желающих трудоустроиться деньги на оформление документов и, когда набиралась подходящая сумма, переезжал в другой город. В начале 90-х с хорошей работой были проблемы, поэтому клиентов у него было достаточно.

— Михаил Иванович, вы, наверное, решили с нашими денежками на экскурсию съездить? Кстати, они у вас с собой? Выходите, выходите, мы с вами разговаривать будем.

Михаил из-за стекла автобуса отрицательно покачал головой, и, видимо, имел на то веские основания.

Пока один из обманутых моряков с улицы общался с главой фирмы «Марин Форс», второй зашел в автобус и помог слабо сопротивляющемуся Михаилу выйти.

«Икарус» уже давно скрылся из виду, а разговор все еще не принял форму диалога — Балалайкин упорно молчал.

Моряк, которого звали Николай, не выдержал.

— Значит так, аферюга, либо ты сейчас выворачиваешь карманы, либо я тебя самого наизнанку выверну!

Михаил заговорил:

— Ну чего вы так волнуетесь? Я хотел съездить к маме в Астрахань на недельку. Ваши анкеты отправлены в греческую компанию «Адриатик». Через две недели придет вызов, получите в офисе билеты и поедете на пароход.

— В каком офисе?! Туда уже другие люди въехали. Мы тебя, гада, три недели по городу ищем. Деньги!

Николай схватил Балалайкина за ворот куртки и основательно встряхнул. Дело приняло нешуточный оборот, и это сильно расстроило Михаила.

Миша с юных лет мечтал покинуть пределы Советского Союза, с которым у него как-то не сложилось, возможно, из-за разности социальных ориентиров. После развала державы его мечта начала обретать более осязаемые черты, поскольку упростился выезд и отпали многие формальности. Нужны были только деньги. Он и делал попытки ими завладеть теми способами, которые были ему наиболее близки, пусть и расходились они с официальной трактовкой закона. Мошенничество — наиболее приятный способ зарабатывания денег.

Не требуя приложений физических и моральных сил, в случае успеха приносит не только материальные, но и глубоко эмоциональные дивиденды. Но бывают и промахи. И тогда вся машина создаваемых комбинаций нещадно бьет своего создателя.

Балалайкин, чтобы не доводить дело до рукоприкладства, в общих чертах выразил несогласие, но карманы вывернул. Обманутые моряки, компенсировав с помощью найденной наличности свой материальный и моральный ущерб, подобрели и отпустили Михаила.

— Иди, родимый, на все четыре стороны, но нам больше не попадайся, — напутствовал его Николай, увесисто хлопнув по спине.

Балалайкину ехать куда бы то ни было уже расхотелось. Необходимо было пополнить запас душевных сил, и он побрел к своей подруге Ольге.

Увидев на пороге не появлявшегося пару недель бойфренда, Ольга с издевкой спросила:

— Адрес вспомнил? Или, наоборот, забыл у меня чего?

Миша оставил вопросы без внимания и в свою очередь спросил:

— Водка есть?

Ольга расценила сущность вопроса по-своему и кивком пригласила Михаила в дом.

Миша по свойствам своей натуры был

практичным романтиком. С детства он был мечтателем и фантазером. При этом он всегда стремился воплотить свои чаянья в жизнь. В десятилетнем возрасте пределом его желаний было стать моряком. Но рисовать кораблики он не стал, а просто пробрался на пассажирский теплоход (благо, жил он в приморском городе) и целых три дня принимал участие в круизе, пока его не отловил вахтенный помощник капитана. К пятнадцати годам прыщавый отрок более — менее отчетливо уяснил для себя практическое назначение девушек. Мечты захлестнули его, но он не стал изучать анатомию противоположного пола по скабрёзным картинкам, а просто завел себе подружку.

Будучи наглым и изворотливым, он умело прятал эти качества за коммуникабельностью и находчивостью. Практически всегда он становился душой компании, поскольку знал невероятное количество анекдотов и всевозможных забавных историй.

Вот и сейчас ему не составило большого труда убедить Ольгу в том, что он ее по-прежнему любит, и его временное отсутствие — лишь стечение обстоятельств, над которыми он был не властен. Подруга благосклонно приняла его объяснения, поскольку знала, что ловить Мишу на вранье — все равно, что удить в Мертвом море рыбу.

Глава 2

Вечер текущего дня застал Ольгу неспешно прогуливающейся по центральному городскому скверу. Она была в вызывающем наряде и слегка выпившая. Еще днем, после неожиданного визита Михаила, они совместно составили коварный план, обильно разбавляя выработку плана алкоголем.

Сквер среди жителей города пользовался недоброй славой. Здесь моряки, сошедшие с иностранных судов, стоящих в порту, искали себе усладу на ночь. И чаще всего находили, поскольку на дворе было начало 90-х, а тогда, если кто помнит, с работой было не очень. Вот и зарабатывали красивые девушки, как могли.

Причудливо одетый смуглый мужчина среднего роста и такого же возраста неуверенно подошел к Ольге и, откашлявшись, спросил:

— Кароший вечерь? Ви гуляйт?

Столь очевидного факта она отрицать не стала. Более того, для быстреего продвижения только-только начинающих складываться отношений, она взяла мужчину под руку и повела к стоянке такси.

Иностранца такая прыть слегка смутила, но в чем-то даже и обрадовала — ночью ему надо было заступать на вахту, так что времени было в обрез.

Приехав к Ольге домой и определив условия

сближения, приступили к делу. Она сняла платье и, оставшись топлесс, начала застилать кровать. Моряк, путаясь в брюках и борясь с пуговицами, стремился как можно быстрее разоблачиться. Его спешка имела особые причины, понятные тем, кто бывал в дальних рейсах.

Все испортил странный звонок в дверь. Иностранец, как футболист в «стенке» во время исполнения штрафного удара, схватился за причинное место и растерялся. Глупая улыбка на его лице вполне смогла бы стать символом какого-нибудь фестиваля юмора.

Позвонили еще раз. Оля с серьезным лицом, не прикрывая грудь, пошла в коридор открывать.

— Наверное, соседка, — сказала она, проходя мимо моряка.

Но в комнату вместо соседки вошел Михаил. Увидев голого иностранца, он театрально всплеснул руками, вытаращил глаза и закричал, обращаясь почему-то к натюрморту, висящему на стене — Как ты могла? Я же твой муж! Хазбенд, — уточнил он для иностранца, — Я тебя любил, а ты!..

Истерика продолжалась пару минут. За это время иностранец успел прийти в себя. Он даже попытался одеться, но Балалайкин, не переставая кричать, зачем-то мешал ему это сделать. — Я вызову милицию! Полис! — перевел он для моряка.

— Ноу полис! Ноу! Ай донт ду ит! Я нишего

не делать! Ай эм симен.

— Моряк? Значит, деньги есть. Плати! Пэй мани!

— Мани? Гуд! Хау мач?

— Сто баксов! Ван хандред доллар!

— Гуд, гуд!

Иностранец достал трясущимися руками портмоне и выдал требуемую сумму. После этого ему позволили одеться и уйти.

Михаил и Ольга, как только дверь за «фирмачом» захлопнулась, радостно крикнули «Ура!» и обнялись. Первый блин не вышел комом.

На следующий вечер действовали по той же схеме.

Все шло нормально до определенного момента. Когда Михаил начал пугать любвеобильного араба милицией-полицией, тот неожиданно рванул к балкону и, с криком «Аллах Акбар!» спрыгнув со второго этажа, умчался в неизвестном направлении. Поскольку он бежал по улице ночью и к тому же очень легко одетый, его задержал милицейский патруль.

В отделении с него вытянули показания. Под утро в Олину квартиру вежливо постучали. Увидев в глазок людей в форме, она спешно разбудила Михаила. Теперь уже ему пришлось прыгать с балкона.

Побродив пару часов по окрестным дворам,

он случайно наткнулся на вывеску, висевшую на двери солидного офиса.

— «Юнион». Крюинговое агентство набирает экипажи для работы на судах иностранных компаний, — прочитал Михаил.

Слегка поразмыслив, он решил войти. «Контора большая, наверняка не кидалово».

Найдя нужного инспектора, он предложил свои услуги в обслуживании судов иностранных компаний. Его без долгих проволочек оформили матросом. Клерк, неискренне улыбаясь, сказал:

— 15 апреля вы вылетаете из Шереметьево-2. До этого срока сделайте все сертификаты. Название вашего судна «Оушен Хоп» — «Океанская надежда». Счастливого плавания!

Глава 3

Чем живут повара? На какие, извините, шиши они существуют? Вопросы не праздные, поверьте, поскольку мы как организмы есть то, чем мы питаемся. А питаемся мы часто тем, что готовят для нас эти самые повара.

А живут они, эти рыцари кухонных ножей и разделочных досок, по большей части не на мизерную зарплату, а имеют доход от недовложений. Положено, допустим, по технологии 170 граммов мяса на порцию жаркого. Ну, не

доложил он 20 граммов, кто ж это заметит? А в масштабах, к примеру, заводской столовой, где по 500 человек в день питаются? То-то и оно! Неплохо выходит. Отсюда и сытое лицо, и злобный взгляд, и заплывшая жиром совесть. А еще машина, дача, дети в английской школе, жена в золоте и собака малоизвестной широкой публике, но очень престижной породы.

Закончив в конце 80-х ПТУ по специальности повар-пекарь, Виктор Крошкин был направлен на работу в небольшое кафе, расположенное в приморском городе. И через некоторое время жизнь его изменилась в лучшую сторону. Заведующая кафе, женщина дородная и здравомыслящая, заметила молодого паренька и приблизила его к себе во всех отношениях. А еще через два года ездил уже Витек на «Жигулях», вызывая зависть у соседей и друзей. Талонный период в жизни нашего государства лишь добавил Крошкину вистов в его игре с судьбой.

Карие глаза невысокого крепыша Вити смотрели на мир с азартом конкистадора. Он был уверен, что жизнь должна ему и никак иначе. Пропахнув борщами и жареным луком, он не оплыл жиром и сохранил высокую подвижность своих конечностей. Небольшой рост его не только не уменьшал амбиций, а, наоборот, лишь распалял его жажду присвоения. В своем стремлении хапнуть

как можно больше он дошел до того, что стал жарить картошку на воде и варить суп без мяса. Только вмешательство заведующей прервало Витины эксперименты над желудками граждан.

Наступили девяностые, социализм полетел в тартарары и на место белотелой и пухлой заведующей пришел энергичный дядька из расформированной партноменклатуры. Существование Крошкина значительно усложнилось. И потянулся он к бутылке. Новый заведующий какое-то время смотрел на это сквозь пальцы, поскольку найти специалиста на небольшую зарплату было непросто.

Но однажды Витя так напился, что, приготавливая первое блюдо, вылил в кастрюлю бутылку водки, а котлеты пожарил на коньяке.

Нельзя сказать, что клиенты остались недовольны нестандартной едой. Скорее, даже наоборот — обед прошел весело и непринужденно. Были даже попытки стихийно организовать дискотеку. Но Крошкина все-таки уволили.

Одну неделю он пил. Вторую — искал работу. Взвесив все за и против, он решил покинуть поднадоевшие каменные джунгли, асфальтовые поля и вырваться на морские просторы, чтобы бороздить океан и слушать крики чаек за кормой.

Найти нужную контору не составило большого труда — «Юнион» в городе был известен.

Зайдя во двор, где находился офис, он был взят в плотное кольцо дворовых псов, которые ласково заглядывали ему в глаза и заискивающе махали хвостами. Видимо, райский аромат кухни еще не успел из него выветриться за две недели вынужденного простоя. Отогнав собак, Крошкин печально вздохнул и вошел в офис.

В крьюинговой компании, занимающейся подбором экипажей для работы на судах иностранных компаний, Крошкина встретили с распростертыми объятьями — хорошие повара на флоте всегда в цене.

— Документы мы вам подготовим, контракт вы подписали, так что готовьтесь в рейс. Вы должны быть 15 апреля в 14.00 в Шереметьево-2. Полетите в Париж. Там пересадка и перелет на Японию, где и примите судно. Семь футов под килем!

Глава 4

Апрель радовал жителей приморского города. Мягкое тепло обволокла улицы и здания. Деревья и кустарники увеличились в объеме за счет зелени, птицы сошли с ума от сладостного воздуха и напропалую купались в лужах. Народ блаженствовал. Даже приводов в милицию стало значительно меньше, а кухонные ссоры все чаще

заканчивались в спальнях. Рабочие и служащие из последних сил ковали семейный бюджет, спинным мозгом чувствуя приближения отпусков.

Одним из немногих, кого разворачивающаяся по всему фронту весна не радовала, был Вадим Сочинцев. Он учился на четвертом курсе мореходки и многое в этой жизни уже понял.

В настоящий момент он сидел на балконе и безуспешно пытался наладить взаимоотношения с учебником под громким названием «Судовые силовые установки». В комнате энергично ссорились его родители.

Вадим был редким типом молодого человека, по внешнему виду которого легко было угадать его внутреннее содержание.

Он был худ, вял, медлителен и слегка застенчив, что, в свою очередь, выдавало в нем меланхолический пессимизм и отсутствие ярко очерченных целей. Однако, слабость организма способствовала оттачиванию его критичного ума и остроумия.

Его более четкой адаптации в бурлящем в 90-е годы обществе мешала неустроенность быта. Отец с матерью находились в постоянном конфликте, что, естественно, не способствовало стабилизации нервной системы их отпрыска.

Единственным отдохновением для Вадима были пиратские романы. Уголовная романтика

смелых мореходов привлекала его своей бесшабашностью и отсутствием каких — либо обязательств перед обществом в целом и родственниками в частности. У него же, наоборот, этих обязательств было немало. Он должен был хорошо учиться, не нарушать дисциплину, вовремя сдавать сессию (в том числе и ненавистные «Судовые силовые установки»). Он обязан быть примерным сыном, хотя, как такое возможно во время бурного конфликта родителей? В семейном противостоянии он никак не мог выбрать чью-либо сторону, поскольку любил и отца, и мать. Об истоках ссоры все уже забыли давным-давно, что, однако, не мешало ей разгораться все сильнее и сильнее.

Теплому апрельскому дню по неизвестной причине суждено было стать последней каплей, переполнившей цистерну сыновнего терпения. Услышав в очередной раз визг матери и крик отца, он захлопнул учебник, вошел в комнату и слегка писклявым голосом прокричал:

— Все! Достали! Ухожу от вас!

Родители от неожиданности даже сели на диван и взялись за руки. Мать тихо спросила:

— Куда, сынок?

— В море ухожу. В рейс.

Вадик надел легкую куртку и вышел на улицу. В крюинговой компании «Юнион», наиболее

известной среди прочих, его встретили с радостью.

— У нас большая нехватка механиков. Не окончили мореходное училище? Ничего страшного — документы мы подправим. Готовы идти в рейс?

Вадик грустно посмотрел на зеленые деверья за окном и тихо промолвил:

— Да.

— Отлично! 15 апреля вылетает экипаж из Шереметьево-2, вы включены в его состав. Судно примите в Японии. За билетами на самолет зайдите через пару дней.

Вадик вышел из офиса, присел на скамейку и неуверенно произнес:

— Не, я люблю море.

Глава 5

Славик Подбочко был хорошим хозяином. В его двухкомнатной квартире все окна и двери открывались и закрывались без унижающего слух скрипа. Потолок был побелен, полы выкрашены, стены покрыты обоями. Мебель не качалась от малейшего прикосновения, а твердо стояла на своих ногах. Вся бытовая техника работала исправно и током не била. В гараже, который еще не приютил автомобиль, был тоже образцовый порядок. Весь инструмент был протерт ветошью и развешен на специальном стенде. Множество разнообразных

железяк, подобранных на свалках, были размещены по ящикам и полкам. Славик даже с некоторым переживанием ждал момента, когда он приобретет машину — ведь чтобы автомобиль вошел в гараж, явно придется многое выкинуть.

Супруга Вячеслава Екатерина на кухне варила борщ. Хозяин же дома сидел в комнате на табуретке и разбирал добычу. Вчера он проходил по улице Луначарского и увидел, как подгоняют технику для сноса старого дома. Славик дождался, когда рабочие уйдут на обед, и пробрался в приговоренный дом. Там он насобирал всяких нужных ему вещей, брошенных спешно съехавшими хозяевами.

Дома он разложил всевозможные проволочки, гвоздики, шурупы, куски железа и пластмассы по кулькам. Закончив работу, он понес этот полезный хлам в гараж.

Сосед по гаражному кооперативу сваривал какие-то трубы. Подбочко открыл ворота, распределил по местам содержание кульков и подошел к соседу поговорить. Тот положил рядом незатушенный резак, закурил, и беседа полилась. Говорили они, под шипение пламени, долго и обстоятельно.

Отвлек мужчин от животрепещущей футбольной темы крик. На балконе дома стояла Екатерина Подбочко, и из перекошенного от испуга

ее рта, вырывался крик:

— Пожар!!!

Мужчины усмехнулись, но, на всякий случай, осмотрелись. Сзади них разгорался старый ватник, который сосед положил на землю, чтобы снизу обваривать трубы.

Славик попытался сбить пламя ногой, но обжегся и побежал в свой гараж за водой. Перепутав бутылки, он ливанул в огонь растворитель. Пламя, получив неожиданную поддержку, метнулось к гаражам. Все пошло как нельзя плохо. Практически все владельцы автомобилей хранили в своих гаражах запасы топлива. Так что кооператив горел так лихо, что когда приехали пожарные, тушить уже было нечего.

Славик стоял на пепелище, утирал черные слезы и причитал:

— Дрелюшка ты моя родная! Як же так! За шо мне тако горе?! Рубаночек мой! Як же я без тэбэ?

Подошла жена, твердо взяла его за руку и сказала:

— Прекрати ныть! Третий год дома сидишь. Ты же моряк, боцман. Вот и иди в рейс. И на новый гараж заработаешь, и на машину еще останется.

— Куда же мэни в рейс? Старый я уже.

— Это в сорок два-то года «старый»?!! Пошли домой дипломы твои искать будем!

На следующий день Славик вернулся из крьюинговой компании «Юнион», сел на табуретку на кухне, внедрил в себя пару ложек, налитого женой, борща и сказал:

— Взяли мэни. В Парыжу полэчу.

— В какую «Парыжу»?

— Во Франции которая. А потом в Японию, там пароход. Собирай вещи.

Укладывая чемодан, Катерина представила себе холодное супружеское ложе и слезы закапали на вещи мужа. Решение отправить супруга в рейс уже не выглядело для нее столь безоговорочным.

— Кто же мне теперь будет под ухом храпеть? — грустно промолвила она.

Глава 6

Село Бычаловка гуляло. Сев только-только начался, и по всем традициям свадьбы не проводились. Но у дочки председателя настолько хорошо просматривались изменения в фигуре, что дальше тянуть было нельзя.

О размахах деревенских свадеб ходят легенды. И мы не будем их опровергать. В сельском клубе собралось все население Бычаловки, которое могло держать стакан. Дети и совсем уж древние старики сидели на лавках у входа и изредка заглядывали в окна.

Сельский кузнец Олег Бугаев, огромный детина, пил напрапалу. Молотобоец был чужим на этом празднике — он любил дочь председателя Нюру, но сейчас она становилась женой другого. Заливая горе ядерной самогонкой, он довольно скоро вошел в глубокое опьянение.

Встав из-за стола, кузнец, слегка покачиваясь, побрел во двор покурить. Однако после первых затяжек голова у него закружилась, на глаза напозла пелена и его огромное молодое тело, медленно сложившись, завалилось на траву.

Все наверняка закончилось бы хорошо, если бы не оставшийся во рту окуроч. Так бы и проспал Олег до вечера, отошел бы от тяжелого опьянения, похмелился бы и с утра пошел бы на работу. Но судьба распорядилась иначе. Сигарета неспешно тлела, свадьба гуляла, Бугаев спал. Но прошло время, и табачные огоньки добрались до губ Олега. От острой боли он очнулся, сигарета продолжала жечь, и он взвыл. Вскочив на ноги и выплюнув окуроч, он обвел ошарашенным взглядом округу. Набежали пацаны. С трудом входя в действительность и все еще злобно рыча, он спросил:

— А что это там за гульки?

— Так это Нюрка за Федьку-зоотехника выходит! — весело прокричал рыжий пацан.

— Нюрка!!! — взревел кузнец.

Он схватился за столб, поддерживающий старый сарай во дворе сельского клуба. Напрягшись, Олег вырвал его, и ни в чем не повинный сарай тут же сложился, словно карточный домик.

Ворвавшись в клуб, кузнец без тени сомнения начал столбом крушить столы и зазевавшихся односельчан. Утихомирить его даже не пытались. Губы горели, сердце рвалось на части от Нюркиной измены, руки ловко орудовали столбом.

Закончив с клубом, Олег вышел на улицу. Нюра с новоиспеченным мужем и отцом бежали к сельсовету. Олег двинулся за ними. Не обращая внимания на причитание старух и визг женщин, кузнец, громя все на своем пути, приблизился к административному зданию. Вырвать дверь у него не получилось, и он стал столбом пробивать стену.

— Угомонись, Олег! — кричал через форточку председатель.

— Нюрку отдайте! — ревел кузнец.

— Вы — неандерталец и хам! — с визгом прокричал зоотехник и спрятался за сейфом.

Работа шла у Бугаева споро. Уже через десять минут угол, сделанного из самана, здания был разрушен, и крыша начала коситься на бок.

Новобрачная оказалась единственной, кто не потерял присутствие духа в столь сложно складывающихся обстоятельствах. Она вылезла

через чердак на крышу и как была в свадебном платье прыгнула на копну сена. Удачно приземлившись, она побежала за старшей сестрой Бугаева Валентиной — единственной, кто мог повлиять на Олега.

Когда подросла сестра, сельсовет напоминал сам себя времен Великой Отечественной войны, когда был весь изрешечен пулями после партизанского налета.

Валентина решительно подошла к брату и схватила его за руку.

— Ты чего же это делаешь, а? Да как у тебя на колхозное рука поднялась? А ну-ка быстро домой! Дрын этот брось!

У Олега, когда он увидел сестру, сразу же пропала охота буйствовать. Она нянчилась с ним с пеленок и уже во взрослом возрасте имела на него влияние.

Понутив голову и облизывая обожженные губы, Олег, поддерживаемый сестрой, побрел домой.

Рассвет следующего дня Олег и Валентина встретили в дороге. Сестра решила на время спрятать брата подальше от людского гнева. В ближайшем приморском городе у нее была подруга, с которой они вместе учились в сельхозинституте. У той муж был моряком. По приезду они посоветовались и решили отправить Олега в рейс.

— Полгода пройдет, пока он на судне будет, и все забудется. Да и деньги неплохие зарабатывает. А там, глядишь, понравится, и будет по морям ходить, — советовал муж подруги.

На том и порешили.

Выправив документы, отправили Олега в контору по найму моряков.

Придя в «Юнион», Бугаев нашел нужный кабинет. Перед ним была небольшая очередь.

— За кем?

— За мной будешь, — ответил светловолосый парень в джинсовом костюме. Роста он был небольшого и походил скорее на мальчика, чем на мужчину.

— А чего таких маленьких в море берут? — с удивлением спросил Олег.

— Всяких берут. И идиотов в том числе. Сейчас нехватка кадров, — огрызнулся «мелкий».

У Андрея Ниточкина, с которым завязывалась беседа у бывшего кузнеца, также были свои особые причины идти в рейс.

Работал он до этого таксистом и, собственно говоря, горя не знал. Но в один не очень счастливый день, он застал свою подругу с посторонним мужчиной. Банальная, в общем-то, ситуация, но только не для непосредственных участников конфликта. Разочаровавшись не только в любимой, но и в жизни, Андрей купил диплом

штурмана и решил податься в дальний рейс.

Через пять минут разговора Бугаев и Ниточкин, каждый по отдельности, пришли к выводу, что необходимы друг другу. У Андрея не было первородной мощи кузнеца, а Олегу не хватало наглости и изворотливости таксиста.

Они попросились на одно судно, и им пошли на встречу.

— Ваш пароход — «Оушен Хоп». Принимать будете в Японии. Вылет 15 апреля в 14.00 из Шереметьево-2.

Глава 7

Яков Николаевич Брумбель, начальник отдела кадров пароходства брал взятки. Брал он их за отправку в рейс, за попадание в штат нужного судна, за продвижение по службе, да и мало ли за что можно еще не противиться негласному поощрению твоего труда. Рыхлому тогда еще государству и его карательной системе было в начале 90-х не до таких пройдох, как господин Брумбель. И он, как умный человек, ловко этим пользовался.

Начальником отдела кадров Яков Николаевич стал случайно. В 70-х и 80-х годах он, как свойственно людям с его фамилией, сверлил зубы и ставил коронки. И, надо сказать, чувствовал себя

неплохо. Но ему, что вполне объяснимо, хотелось большего.

Наступили веселые 90-е и Брумбель отчетливо понял, что только сейчас и никогда больше зубной врач сможет стать каким-нибудь начальником. Он им и стал. Финансовая поддержка с его стороны, естественно, присутствовала.

И, надо сказать, начальником Яков Николаевич был хорошим. Разбирался он в регламентирующих документах и расстановке кадров не хуже, чем с побитыми кариесом зубами. Он сумел так поставить дело, что люди, несущие ему мзду, были ему искренне благодарны. А это, как не крути, уже искусство.

Но бывает и на старуху проруха, а на Якова Николаевича — прокурорская проверка. Одна из жен моряков, не смирившаяся с вроде бы плановой потерей пятисот долларов, написала письмо в надзорные органы.

И все пошло прахом. У Якова Николаевича, разумеется. У его замов, также представляющих неунывающий народ, совсем даже наоборот — освобождалось кресло, и открывался путь вверх.

Сидеть Брумбель не хотел ни при каких обстоятельствах. И тут как нельзя кстати пришелся выправленный загодя капитанский диплом.

Друг помог устроиться в рейс в компании «Юнион».

— Полетишь, Яша, в Японию. Там примешь небольшой танкер. Возить будите нефтепродукты. Полгода походишь, а там посмотрим. Может здесь уляжется, а может за границей суперинтендантом пристроим. Сейчас тебе главное из России выехать.

Яков Николаевич, вполне осознавая серьезность положения, собрав чемоданчик и попрощавшись с женой, тут же поехал в Москву, поближе к Шереметьеву-2.

Глава 8

Аэропорт «Шереметьево-2» с самого момента своего рождения должен был стать главными воротами в социалистический рай. Но рай, как известно, так и не состоялся, а ворота остались. На граждан, впервые покидающих просторы социалистическо-капиталистической державы, он, безусловно, производил неизгладимое впечатление. Солидность архитектуры, налаженная работа многочисленных служб, внутреннее современное убранство заставляло бывших вторых секретарей, а ныне новоявленных бизнесменов запрокидывать головы и некультурно раскрывать рот.

Самолеты, словно пчелы в улей, непрерывно слетались в аэропорт. С такой же регулярностью они и покидали его. В углу у пятой стойки одинокий мужчина сидел на чемодане. Это был

Яков Николаевич Брумбель. До вылета в Париж оставалось еще 4 часа, но он настолько жаждал скорее расстаться с Родиной, что прибыл вопреки здравому смыслу намного раньше. Время до начала регистрации тянулось крайне медленно. И Яков Николаевич, чтобы развлечься, стал в сотый раз перебирать в памяти недавние эпизоды своей жизни, тщетно стараясь понять, где он допустил ошибку, которая и привела его карьеру к краху. Душевного спокойствия от этого занятия он не приобрел. Лицо, зеркало души, во всех подробностях отразило негативные внутренние процессы Брумбеля. Невесть откуда взявшаяся здесь старушенция, заметив тоскующего мужчину, подошла и, протянув тому домашний пирожок, спросила:

— Из дома ушел, родимый?

Яков Николаевич вернулся в социум, осмотрел подернутое морщинами лицо старухи и с грустью сказал:

— Скоро уйду.

Та погладила его по плечу и побрела дальше по своим старушечьим делам. Вновь погрузиться в невеселые воспоминания Брумбелю не дал молодой парень:

— Уважаемый, здесь на Париж регистрация?

— Здесь. Вот же написано.

— О, точно! А вы тоже туда, во Францию?

— Транзитом через нее.

— Не в Японию ли?

— В Японию.

— На танкер «Оушен Хоп»?

— Да, — слегка удивившись, ответил Брумбель. — Я — капитан этого судна. Кто вы по должности?

— Матрос. Михаил Балалайкин.

Мужчины пожали друг другу руки.

Остальные моряки не заставили себя долго ждать. За три часа до начала регистрации экипаж «Океанской надежды» в полном составе находился возле стойки номер пять. Видимо, у каждого была причина как можно скорее расстаться с Россией.

После билетных формальностей и прохождения таможенного контроля команда рассредоточилась. «Мелкий» Андрюша Ниточкин и «Скала» Олег Бугаев зашли в дьюти-фри и купили бутылку виски. Вадик Сочинцев познакомился с француженкой и, используя немногие знакомые ему английские слова, пытался ее охмурить. Боцман Славик в очередной раз перебирал в чемодане и сумках свои вещи и ругал таможенню, забравшую у него сало и чеснок. Витя Крошкин, подстригшийся перед рейсом налысо, ходил по магазинам и изумлялся — он летел за границу впервые, и ему все было в диковинку. Яков Николаевич смотрел сквозь стекло на видимые вдалеке поля и грустил.

Когда закончилась посадочная суета, и все расселись по своим местам, Брумбель поднялся и произнес краткую речь:

— Кто я, вы уже знаете. С этого момента мы находимся в рейсе. Правило первое: не пить. Правило второе: ни в коем случае не пить. И правило третье: не пить никогда.

Вадик хмуро улыбнулся и спросил:

— И воду не пить?

— Воду — можно. Умничать — нельзя.

— Круто берет, — сказал Балалайкин сидящему рядом с ним хохлу Славику.

— Порядок завсегда нужен, — ответил тот.

— Непростой рейс получится, — вполголоса констатировал Миша и прикрыл глаза.

Самолет вырулил на взлетку и начал свой разбег. Когда он оторвался от земли, Николаевич внутренне перекрестился.

Глава 9

Перелет до Парижа, а затем и до Осаки занял много времени, но событиями наполнен не был. Все прошло, вопреки опасениям Брумбея, спокойно и без серьезных происшествий. Только Вадик, увязавшись провожать француженку, немного заблудился в парижском аэропорту Орли, да Мелкий и Скала курили и пили виски в туалете

самолета, за что получили вежливое замечание от стюардессы-корейки.

Когда они приземлились в международном аэропорту, первым в мире построенном на воде, точнее на пятикилометровом искусственном острове, отсыпанном в морском заливе, их встретил агент и повез на судно.

Уставший от длительного нахождения в стратосфере экипаж слегка зеленоватыми лицами прильнул к стеклам микроавтобуса. Экзотика своеобразной Японии, загадочной, как тунгусский метеорит, вскрыла ключом интереса русские души.

— Дывись! Тетка в халате по улицам ходит! — тыкал пальцем в стекло Славик.

— Это — кимоно. Здесь так принято, — авторитетно заявил Брумбель.

— Ё-моё! Мы же по встрече едем! — крикнул бывший таксист, а ныне штурман Ниточкин.

— В Японии левостороннее движение, — продолжил выказывать свои знания капитан, чем, безусловно, упрочил свой авторитет.

— Николаич, а чего у них дома такие маленькие? — спросил Крошкин.

— Традиция такая. Излишества здесь не в почете.

— Чистота какая! У них что, праздник скоро?

— У них, в отличие от нас, всегда так, —

ответил Яков Николаевич.

Микроавтобус въехал на территорию порта.

Пароход, на котором Брумбелю и его команде предстояло бороздить просторы мирового океана, выглядел жалко. Это был напрочь убитый портовый бункеровщик, видимо, не испытавший на себе даже косметического ремонта. Работавшие на нем до этого филиппинцы беспощадно относились к нему, мстя за свою маленькую зарплату.

Однако, русский энтузиазм, помноженный на немалые для тогдашней России должностные оклады, сразу же начал приносить свои плоды. Экипаж разместился по каютам и тут же приступил к переделке судна на свой лад. Поскольку для всех это был первый рейс, в основном полагались на сообразительность.

Работа кипела, как смола в котле. К вечеру появился суперинтендант. Это был пожилой грек, много повидавший на своем интендантском веку. И все же для него явилось шоком то, как много русские успели сделать за неполный рабочий день. Похвалив капитана, он определил работы, которые необходимо было выполнить до выхода судна в рейс. Потом он отвел экипаж в кафе, в котором им предстояло питаться до введения камбуза в строй.

— Ви хевнот мани, — сказал Николаевич, — фор ит.

— Ай ноу. Компани пэй, — ответил грек,

которого звали Мендес.

Еще он выдал аванс по триста долларов на карманные расходы.

Интерьер кафе, в котором русские ужинали, был, мягко говоря, необычен. Настенные гобелены отображали исторические события, происходившие в Стране Восходящего Солнца. С потолка свисали разноцветные бумажные шары и всевозможные поделки из бумаги — оригами. На стенах висели самурайские мечи и замысловатые шлемы воинов. Обслуга, одетая в кимоно, была очень приветлива.

Первым дощечки, играющие роль меню, взял в руки капитан. В иероглифах он ничего не понимал и был вызван старший официант, который кое — как мог изъясняться по-английски. С его помощью был сделан заказ.

Традиционная японская кухня очень отличается от пищи европейской. В ней преобладают блюда из морепродуктов. Если про суши и сашими русские хотя бы слышали, то остальное стало для них истинным открытием. У японцев все шло в дело. Не только изысканные сорта рыбы — такие, как тунец, угорь и фугу, но и комбу — водоросли с морского дна. Ко всему этому добавлялись овощи: бобы, сельдерей, дайкон и поливалось любимым японцами соевым соусом. Гарниром шел, естественно, рис.

Недоволен ужином был только Олег «Скала»,

который не мог себе представить еду не в виде борща и пельменей.

Глава 10

Прошла неделя. Японская жизнь экипажа шла своим чередом. Боцман Славик, открыв для себя результаты перепроизводства островитян, обитал на свалках, откуда каждый вечер мешками приносил вполне хорошие вещи и работающую бытовую технику. Он уже забил своей добычей «малярку» на полубаке и теперь загромождал каюту. Всех оушенхоповцев он снабдил велосипедами, брошенными японцами на улице. Было в его «гараже» еще и пять мопедов. Как-то он умудрился выведать, что мопед, стоящий на улице с ключом в замке зажигания, является выброшенным и его может забрать любой желающий.

Кок Витя Крошкин скупал всяческие безделушки на выданный Мендесом аванс. За границей он был впервые, и после российской серости начала 90-х Япония произвела на него глубочайшее впечатление. И его вполне можно понять.

Тот, кто думает, что Япония — это страна-загадка, глубоко заблуждается. Ничего загадочного в ней нет. Просто эти трудоголики с раскосыми глазами уже давно живут на другой

планете. Они настолько обогнали всех остальных, что вряд ли кто-нибудь когда-нибудь их догонит. Вот и все.

Олег «Скала», все еще чувствуя свою вину перед людьми, не покладая рук красил пароход. Аванс, полученный от грека, он с матросом — земляком, возвращающимся после рейса домой, отправил в родную Бычаловку на восстановление разрушенных им объектов. Японский колорит он совсем не понимал и в город не ходил.

Вадик Сочинцев, поверхностно ознакомившись с механизмами судна, переключился на изучение Осаки. Посетив храмы Ситэнно-дзи и Сумиеси-тайся, площадь Тэмподзан и знаменитую улицу Тьюодори, он, полный впечатлений, надолго застрял в развлекательном центре Фестивалгейт.

Андрей Ниточкин и Миша Балалайкин гуляли по городу, никакой особенной цели не преследуя. Вечером на набережной реки Йодо, укрытой от шумных улиц рядами деревьев гинкго, они стали свидетелями удивительного шоу. Два пожарных буксира, став параллельно друг другу с некоторым смещением от центра, по углом 45 градусов пустили мощные струи из своих водяных пушек. На создавшуюся от этого водяную пыль с берега проецировали фильм, посвященный историческим событиям. Зрелище было потрясающим! По водной

глади бегали и сражались самураи, огромные и злые. Летели стрелы, звенели мечи, падали поверженные. Морская пыль создавала толщину, и картина была не только громадной, но и объемной.

Яков Николаевич не мог себе позволить так беззаботно проводить вечера, свободные от судовых работ. Ведь свой капитанский диплом, как мы знаем, он купил. Купил, как кусок картона, без соответствующих знаний. И теперь все оставшееся до выхода в море время он посвятил изучению судна и необходимых документов.

В конце апреля, когда всю цвела сакура, на борт судна поднялся мистер Мендес. По его просьбе экипаж собрался в кают-компанию.

— Завтра вы выходите в море. Разрешение от портовых властей уже получено. До Сингапура идете в балласте. Там у вас будет небольшой ремонт. Важное сообщение для капитана и команды... В случае возникновения нештатных ситуаций, мер по спасению судна не предпринимать. Сесть на спасательный бот и покинуть судно. Капитан, вы меня поняли?

— Да, конечно. Жизнь и здоровье людей — превыше всего, — с готовностью ответил Николаич.

Когда грек ушел, Брумбель вызвал к себе в каюту Андрея.

— Ты парень умный, может ты что-то понял?

Почему греки не хотят, чтобы мы спасали судно в случае чего? Они же капиталисты, а «Оушен Хоп» — их собственность.

— Да все просто, Николаич. Они покупают развалюхи, вроде нашей «Надежды», страхуют на крупные суммы и потом их топят. И, соответственно, получают страховые премии.

— Вот как! — призадумался Брумбель.

Глава 11

Поздней ночью, когда «Океанская надежда» безмятежно спала вместе со своим экипажем, по трапу на борт поднялись два человека. Маленькая японская луна слегка освещала пришельцев, и если присмотреться, то можно было различить на рубашках нашитые эмблемы, свидетельствующие о принадлежности незваных гостей к мощному клану, входящему в состав Якудза. По остывшей в ночной прохладе палубе они добрались до кормы и, открыв люк, спустились в ахтерпик. Там они включили карманный фонарик и пробрались к балластной цистерне. Достав инструмент, мафиози вскрыли люк. Один из них, с выколотым драконом на запястье — видимо, старший, вынул из сумки небольшой пакет и положил его через люк в цистерну.

— Оябун сказал, что надо прикрепить пакет к

переборке, — тихо проговорил другой малый с торчащими ежиком смоляными волосами. У него отсутствовал мизинец на левой руке. Скорей всего, он когда-то совершил ошибку, приведшую к «потере лица», и в наказание с помощью ритуального ножа танто его лишили пальца.

— Не называй хозяина «Оябун»! Говори «Босс», — злым шепотом отозвался парень с драконом, — я помню, что он сказал, но ты же видишь, что тут все мокрое. Как мы приклеим пакет на скотч?

— Вот смотри, я нашел проволоку. Давай прикрутим груз, — предложил беспальный.

— Хорошо. Действуй.

Когда пакет был надежно закреплен, двое якудза поставили на место люк и закрутили гайки.

На горизонте слегка зарозовело. Бесшумно ступая, оба ночных визитера спустились по трапу и растворились в сумерках.

Глава 12

Утро следующего дня застало экипаж малого танкера «Оушен Хоп» в суете подготовительных мероприятий. В 11 часов намечался отход. Судно, подлатанное, помытое, почищенное и подкрашенное сейчас имело значительно более выгодный вид, чем в момент приемки его русскими.

Яков Николаевич сидел на мостике и волновался. Ему впервые предстояло выйти в море. Переживал и Андрей, тоже не имевший опыта морского судовождения. Да что там говорить! Волновались все. За исключением Олега «Скалы», который думал, что только он один перворейсник, а остальные все — бывалые.

Вадик Сочинцев уже запустил все необходимые механизмы и метался по машинному отделению, записывая параметры. Изредка он вытирал обильный пот со лба и иронично восклицал:

— Не-е-е, я люблю море! Я о-о-очень его люблю!

Славик «хохол» раскреплял под полубаком набранное на японских свалках добро.

Настало время отхода. Но тут выяснилось, что на борту нет Михаила Балалайкина. Капитан доложил об этом мистеру Мендесу. Тот удивился, но отдал приказ выходить в море. Когда уже были отданы шпринги, на причал выехала полицейская машина. Люди в форме вывели Мишу и крикнули, чтобы опустили трап.

— Это ваш? — спросили они по-английски.

— Наш. Грузите, — ответил Николаевич, — Что он совершил?

— Хотел попросить политическое убежище в Японии. Но ваша страна сейчас демократическая и

мы не можем его оставить.

Хмурый Балалайкин поднялся на борт.

Андрей, командующий на палубе отходом, удивленно спросил его:

— Че ты у этих узкоглазых забыл?

— Все равно в «совок» не вернусь. Хочу за границей жить.

— Так выбери страну подходящую. Канаду, там, или Штаты.

Миша промолчал и пошел на бак отдавать швартовные концы.

День уже полностью вошел в свои права, когда «Океанская надежда» покинула гавань. У Брумбея после удачного выхода, появилась уверенность, что, естественно, его обрадовало.

— Не Боги горшки обжигают! — весело крикнул он Андрею, стоящему на крыле мостика.

Свежий ветер наполнял легкие неповторимым морским воздухом, а сердце — необъяснимой радостью. Волны с легкостью запрыгивали на палубу через невысокий фальшборт. Свободные от вахты члены экипажа собрались на баке и смотрели на удаляющиеся берега Японии.

Мерно гудели механизмы, судно слегка покачивало. Вокруг разлилось бескрайнее водное пространство.

Николаевич с Андреем «Мелким» на мостике прокладывали курс до Сингапура. Олег на ботдеке

поднимал сделанные из железных болванок гири. Витя Крошкин, как курица над цыплятами, ворковал над виденными им впервые фирменными продуктами, полученными в Японии.

Вадик вылез из машинного отделения через аварийный люк, вытер ветошью испачканные маслом руки и лицо, осмотрелся и сказал:

— Не-е-е! Я люблю море!

Глава 13

Сложное техническое сооружение с гордой надписью на борту «Океанская надежда» уверенно резало волны, приближая к себе Сингапур. Искрящееся под вечерним солнцем море напоминало витрину ювелирного магазина. Легкий шторм оповестил о приближении ночи, и огромная сеть сумерек неспешно опустилась на все видимое пространство.

Волны возникли буквально из ничего. Старая посуда недовольно скрипела шпангоутами, подставляя под морские удары свой левый борт.

Вадик доливал масло в заглохший дизель-генератор и матерился. В машинном отделении было очень жарко, и горячий пот покрыл худое тело Сочинцева. Видавший виды комбинезон, как марка к конверту, плотно прилип к коже.

Олег Бугаев лежал в каюте и едва слышно шептал: «Боже мой! Боже мой!» Это была первая буря в жизни этого сугубо сухопутного человека, и встретил он ее отнюдь не по-геройски. Так пещерные люди смело шли на мамонта, но дико боялись раскатов грома.

Буря усилилась, и стало совсем не весело. Доклады на мостик следовали один за другим. Яков Николаевич нервно потел.

— Николаич, забился фильтр охлаждающего насоса. Возможно, придется остановить главный двигатель. Резервную систему охлаждения я не нашел, — по связи сообщил Вадик.

— Недоучка, — зло пробурчал Брумбель.

— Николаич, во втором трюме течь, — едва зайдя на мостик сказал весь мокрый Андрей.

— Николаич, на носовом брашпиле цепь майнается. Видимо, стопор оборвался, — доложил боцман.

«И за что мне такое?!» — горестно подумал Брумбель. Но надо было действовать.

— По всей видимости, это все подстроили греки, чтобы утопить судно и получить страховку. Нам надо садиться в спасательные шлюпки и покидать судно, — неуверенно проговорил Николаич.

— Шо?! — Славик выпучил глаза и сорвался в крик: — Да як же так?!

У боцмана были на борту центнеры добра, и расставаться с ним никак не входило в его планы.

— А что делать?

— Будем спасать судно, — уверенно сказал «Мелкий», — утонет судно — утонет наша зарплата.

— Хорошо, — сказал Брумбель, — объявляй, Андрей, общесудовую тревогу.

Через минуту весь экипаж был на мостике.

— Боцман с Балалайкиным идут на бак, выбирать стравившийся якорь и заводят дополнительные стопора. Андрей и Бугаев идут во второй трюм и устанавливают на месте течи цементный ящик, — Николаич заглянул в справочник по аварийным ситуациям и дополнил, — если не удастся, то с помощью мата и струбцины устранить течь. Николаича несколько озадачило слово «мат», но справочникам он привык верить.

— А с насосом что делать?

Николаич достал еще один справочник и через минуту ответил:

— Я сейчас разверну судно носом на волну. Ты остановишь «главный» и как можно быстрее очистишь фильтр.

Обстановка была напряженная и уговаривать кого — либо не было необходимости. Все работали слажено и четко. Хотя и делали подобное в первый

раз. Видимо, чувство самосохранения неплохо помогает в таких ситуациях.

К утру ветер стих и волны улеглись. Течь удалось ликвидировать, якорь был надежно закреплен, главный двигатель работал без перегрева. Народ усталый, но довольный повалился спать.

«Что там еще впереди?» — грустно думал Николаич, смотря на горизонт и с нежностью вспоминая свой рабочий стол, заваленный личными делами и казавшийся сейчас таким родным, мышиного цвета сейф.

Глава 14

На обед Витя Крошкин приготовил флотский борщ и отварной язык с горошком.

Олег Скала, съев предложенные блюда с ловкостью голодной собаки, пошел на камбуз за добавкой.

Мелкий не преминул заметить:

— Чем такого бугая кормить, лучше его в Сингапуре в цирк сдать — пусть там гири таскает.

Замечание Андрея не прошло мимо ушей Скалы. Расправившись с добавкой, он отловил Мелкого на палубе и, слегка прижав к надстройке, спросил:

— Что ты там про цирк говорил?

— В цирк тебя надо побыстрее сдать. А то ты всю силу на судне потеряешь.

— Это еще почему?

— Так ты же сельский житель. На земле жил. А тут до земли далеко, верст пять будет, это если вниз. Вот и потеряешь все свою силу, дубина.

Олег отвесил Мелкому такого «леща», что тот кубарем скатился по трапу на главную палубу, словно моток с шерстью у задремавшей бабушки.

«Ну, ладно, гад. Ты первый начал», — зло подумал Андрей. План мести вынашивал не долго. Вечером, когда народ смотрел по «видаку» фильм в кают-компании, он пробрался на бот-дек, где стояли гири Скалы. Мелкий протянул электросварку и приварил гири к палубе. Потом, убрав держак и провода, подкрасил палубу в месте сварки и довольный пошел спать.

Развязка наступила утром. Ничего не подозревающий Олег, поднялся на бот-дек, слегка размялся и взялся за гири. Привычным движением он дернул их на себя, и они остались на месте.

«От земли оторвался — силу теряешь!», — прошумели в его голове слова Мелкого.

— Нет, не может быть! — взревел Скала и вновь дернул гири. Те остались неподвижны.

Олег попытался поднять хотя бы одну гирю. Он схватил ее двумя руками и дернул изо всех сил. Он чуть не порвал мышцы, но железяка осталась на

месте.

— Нет, нет, я смогу! Я — сильный! — кричал Скала, не прекращая попыток справиться с металлом.

Когда пот уже залил его лицо, он услышал вполне жизнерадостный смех. Подняв голову, он увидел на крыле мостика Ниточкина. Тот заливисто смеялся, дрожа всем своим щуплым телом.

Олег все понял. С ловкостью бурого медведя он взлетел на мостик и поймал Мелкого. Схватив того за ногу, он, несмотря на крики капитана, вытащил Андрея на крыло и опустил за борт. Мелкий, висая на значительной высоте над морем, еще и головой вниз, присутствие духа не потерял:

— Поставь меня назад, горилла!

— Будешь еще, гаденыш?

Николаич подбежал к Скале и в самое его ухо закричал:

— Если с Ниточкиным что-нибудь случится, то я вызову полицию.

— Где ты здесь участок видишь? — в пылу орал Скала.

— На вертолетах прилетят. В тюрьме будешь сидеть!

В тюрьму Олег не хотел. Мелкий, как только оказался на палубе, стукнул ногой Олега по коленке и убежал.

Ночью Скала спал беспокойно. И надо

сказать, не зря. Мстительный Мелкий протянул в его каюту шланг и слабым напором наполнил ее водой под самый коменс. Потом надел спасательный жилет и, включив свет, подскочил к спящему Олегу и, тряся его, дико заорал:

— Проснись, проснись! Мы тонем! Тонем! Спасайся!

Скала вскочил словно ужаленный. Увидев Мелкого в спасательном жилете, ощутив ногами воду и поняв смысл криков, он среагировал моментально и вовсе не так, как ожидал Андрей. Олег точно и сильно заехал Мелкому в нос, сорвал с него жилет и побежал к спасательной шлюпке.

Идущий с вахты в каюту Вадик, увидев бегущего в спасательном жилете Олега, тут же сообщил об этом на мостик. Николаич, еще полностью не отошедший от приключений первой ночи в море, объявил общесудовую тревогу.

В рулевую рубку вполз окровавленный Мелкий.

— Пираты! — закричал по трансляции капитан, — судно атаковано пиратами!

Позже он так и не сможет объяснить, почему он так решил в тот момент.

Славик-хохол, услышав сигнал тревоги, стал грузить в шлюпку свои пожитки. Лысый, вооружившись кухонными ножами, забаррикадировался на камбузе. Судовые продукты

нелегко бы достались пиратам, если бы они, конечно, эти морские разбойники, на самом деле были. Балалайкин сидел в каюте и приготавливал речь для пиратов с просьбой оставить его на постоянное место жительства на их пиратском острове.

К утру все успокоилось как-то само собой. Выпив валерьянки, Николаич собрал экипаж в кают-компани. После продолжительного вступления, посвященного морскому братству, он сказал:

— Виноватых искать я не буду, поскольку, наказывать кого — либо бессмысленно: все поддались панике и творили бог весть что. Подойдите ко мне Ниточкин и Бугаев. Пожмите друг другу руки. Вот так. Теперь знайте, если кто-то кого-то еще раз зацепит, спишу обоих, так и знайте. Все. Разойтись по рабочим местам.

Николаич наивно полагал, что развязка истории непростых взаимоотношений Скалы и Мелкого уже наступила. Но не тут-то было!

Бугаев почему-то решил, что последний ход в этой партии должен остаться за ним. В неожиданных союзниках у него оказался Вадик. Либо вечная вражда механиков и штурманов так нашла свой выход, либо по каким-то еще причинам, но гораздый на выдумку Сочинцев предложил Олегу такой план, от которого трудно было

отказаться.

Суть его состояла в следующем... Поздней ночью Скала становится на самой оконечности бака лицом к надстройке. На голове у него укрепляется покрашенная белой краской лампочка, в руках он держит красную и зеленую лампочки. Питание от батареек, прикрепленных за спиной. Стоящий ночью вахту Андрей, как знал Вадик, выставлял точку на радаре и дремал в кресле, лишь изредка подходил к иллюминатору и осматривал акваторию. На это и был расчет. То есть когда он в очередной раз взглянет вперед, то увидитдвигающееся прямо на него судно, сигнальные огни которого имитировал Олег.

Как планировали Вадим с Олегом, так оно, в принципе, и получилось. За одним существенным исключением. В эту роковую ночь на вахту заступил Николаич. У него была бессонница, и он отпустил Мелкого спать.

О дальнейших событиях Яков Николаевич вспоминал позднее, лишь будучи сильно пьян.

Заполнив судовой журнал и сверив курс с компасом, он, напевая строчки из романа, подошел к иллюминатору. То, что он увидел, повергло его в шок. Прямо на «Океанскую надежду» в кромешной тьме двигалось неизвестное судно! До столкновения оставалось несколько кабельтов. Почему судно не высвечивалось на радаре, в тот

момент Николаич не подумал. Рванув штурвал со скоростью вовсе не свойственной его пятидесятипятилетнему возрасту, он резко заложил его на правый борт.

От большого крена, образовавшегося от разворота на полном ходу, Олег упал, больно ударившись. Тут же вскочив на ноги, он стал метаться по баку, чем ввел в полный ступор капитана на мостике. Николаич заложил руль на левый борт, но встречное судно не исчезло! Полный отчаянья он дал задний ход.

Вадик, мирно спавший в ЦПУ в машинном отделении, вскочил еще после первого маневра капитана. Затем последовал бросок в другую сторону. Потом репитеры сработали на задний ход. Сделав вывод, что капитан сошел с ума, Вадик побежал на мостик.

Проснулись и остальные члены экипажа. После очередного падения у Олега наконец-то разбились лампочки, и Николаич перестал маневрировать. Скала, чувствуя, что сегодняшняя затея ему с рук не сойдет, метнулся в каюту и, быстро раздевшись, лег спать.

Официально все списали на НЛО, но у большей части экипажа закрались сомнения на счет капитана и его психики. Вадик же и Олег, имея на то веские основания, молчали, как партизаны.

Глава 15

Несмотря на все злоключения, судно добралось до Сингапура. Обойдя остров справа, Николаич, поднаторевший в управлении кораблем за время перехода, провел его по проливу Джохор до северного района Симбован. Там им предстояло произвести небольшой ремонт, забункероваться и взять груз.

Представитель греческой компании, владелицы судна, мистер Лигрис ожидал на причале. Не успели завести все швартовные концы, как он уже был на борту.

— Как добрались? Без происшествий? — смуглое лицо грека было хмуро, и он не мог этого скрыть.

— Все нормально, господин суперинтендант, — ответил капитан. Он решил и предупредил об этом команду, не распространяться о произошедших инцидентах.

— Вы ничего не скрываете? — слащавым голосом протянул на плохом английском Лигрис.

— Нет, что вы! — Николаич был непреклонен, — необходим лишь небольшой ремонт.

Грек был явно недоволен. Немного подумав, он сказал:

— Хорошо, я пришлю инженера, он осмотрит

судно и подготовит ремонтные ведомости. Визы для экипажа я заказал. В этом конверте деньги — зарплата за текущий месяц. Вот моя визитка, в случае необходимости звоните. В Сингапуре вы пробудете примерно неделю.

Истосковавшаяся по земле команда была отпущена на берег.

Те, кто не побывал в Сингапуре, многое потеряли. Особенно те, кто не верит, что на маленьком клочке суши, лишенном хоть каких-нибудь полезных ископаемых, под палящим солнцем можно создать чудесный город с великолепными зданиями, тенистыми парками, современными магистралями, метро, огромным портом и даже со своим Ботаническим садом, где особенно выделяется Сад Орхидей.

Забывшие про ссору Мелкий и Скала, первыми ушли в город. На метро доехали до центра и там, гуляя по Очароуд, они заметили двух привлекательных европейек, блондинку и брюнетку, идущих впереди.

Мелкий, оценив формы женщин, со вздохом произнес:

— Вот бы я той белобрысой вдул!

Та, к удивлению Андрея, незамедлительно повернула голову и с угрозой произнесла на чистом русском:

— Мал еще вдувать!

Андрей не растерялся:

— О, да вы русские! Какими судьбами?

Олег, призадумавшись, сказал:

— Вот это да! Мы же где-то далеко в Азии, а тут русские бабы. Что-то люди наши из страны расползаются, как тараканы.

В дальнейшем оказалось, что землячки рады встрече и совсем не против вспрыснуть ее шампанским, либо еще чем-нибудь подходящим. Из центра решили уехать — слишком шумно.

— Экзотики хочется, — сказала блондинка.

Сели в такси и поехали в Чайна-таун. В кафе, где они остановились, было очень душно. Пахло бог весть чем, но не противно. Заказали морепродукты и пиво «Тайгер».

Сближение ментально родственных людей в чужом окружении происходит быстро. Пиво и беседа лились легко и непринужденно, и все катилось к приятному финалу, но случилась одна маленькая неприятность. Скала, изрядно пьяный, видимо решив окончательно очаровать спутниц, захотел показать свое искусство танца. Музыка в кафе не играла, но это нисколько не смутило Олега потому, что алкоголь в его организме уже действовал всюю. Тема его танца была навеяна полустершимися в памяти воспоминаниями, когда он, еще молодой кузнец, уронил себе на ногу раскаленную железную болванку.

Неуклюже изображая танцевальные движения, он нещадно давил ноги маленьких китайцев. Те терпеливо сносили выходки большого человека, но Олег все же нарвался на конфликт. Когда подошла официантка и обратилась к Мелкому по-китайски, он взревел:

— Ты это что, моего друга за китаеза приняла?! Он хоть и маленький, а не чета вам, косорылым!

Скандал развивался со скоростью пожара в летнем лесу. Азиаты, предпочитающие уходить от конфликта, резво разбегались, не доев свою еду, щедро сдобренную острыми соусами. Олегу пришлось, в отсутствие реального врага, крушить мебель. Соотечественницы, увидав, что события развиваются не так, как они предполагали, незаметно исчезли.

Мелкий, вначале пытался утихомирить приятеля. Но получил в нос и, растеряв пыл, молча брел за все более входящим в раж Олегом.

Скала, выйдя из кафе и выдернув шест, на котором была укрепена реклама, двинулся на Чайна-таун. Бумажные фонари, бамбуковые занавески, хиленькие деревянные заборчики превращались в хлам после мощных ударов русского кузнеца. Несколько китайцев, чтобы остановить продвижение Олега, пытались применить каратэ, но Скала лишь отмахнулся от

них, как от надоедливых комаров.

— Получайте, гады! Это вам за «Варяг»! — ревел Бугаев, весьма ловко для пьяного человека орудуя своим импровизированным копьем.

— Олежек, да это же не японцы, а китайцы, — вновь попытался утихомирить друга Мелкий.

— Один хрен — косорылые!

Погром продолжался, и складывалось ощущение, что он закончится только тогда, когда иссякнут силы у русского бугая. А это предвиделось нескоро.

Но на каждый «Титаник» есть свой айсберг. Когда масштаб разрушений достиг уровня стихийного бедствия, один из китайцев завел минигрузовик, и, хорошенько разогнавшись, въехал на нем в Скалу. Битву с железом Олег проиграл. Этим не замедлили воспользоваться азиаты. Они тут же впихнули Большого Белого, пребывающего в нокдауне, и Мелкого в такси. О какой — либо компенсации речь не шла — жители Чайна-тауна и так были рады, что живой тайфун покинул пределы их территории.

В такси Скала ненадолго пришел в себя и тут же заснул богатырским сном. На борт судна его пришлось грузить лебедкой, поскольку по трапу его пронести не смогли.

Вечером мистер Лигрис позвонил в Грецию президенту «Адриатика».

— Мистер Николаидис! Эти гребаные русские спасли «Оушен хоп»! Вся наша подготовительная работа пошла на смарку. Не видать нам теперь страховку, как своих ушей!

Последовала пауза. Через полминуты глава фирмы медленно проговорил в трубку:

— Спасли, говоришь. Ну раз спасли, пусть и дальше работают. Грузы возить тоже надо.

Глава 16

Несколько потерявшийся и ушедший в последнее время в тень Михаил Балалайкин в Сингапуре вновь обрел бодрость духа. Тяжелая матросская работа в рейсе подточила душевные силы бывшего мошенника. Здесь же, в городе-стране, «Океанская надежда» стояла на судоремонтном заводе, и все работы делали малайцы. Русские моряки лишь несли вахту и наблюдали за рабочими, чтобы те чего-нибудь не сперли.

Свободного времени было много, и Миша бесцельно шатался по городу. Но дух стяжательства, присущий ему в большей, чем остальным гражданам, степени, не давал покоя. Найдя «русские» магазины, он воспарял духом — там было так много моряков-соотечественников, что это, безусловно, давало неоспоримые шансы.

Приобретя в китайских лавках пластиковые стол и стул, а также пачку каких-то английских бланков, Миша устроился возле самого оживленного павильона. «Набор моряков, оклады высокие» — написал он на картонке, которую и укрепил на столе. Через некоторое время веселые мареманы начали подходить нестройными рядами.

— А че за фирма?

— Греки, небось?

— У моториста сколько?

— Донкерманов берете?

Миша живо отвечал на вопросы. Сегодняшнюю аферу он решил построить по принципу гигантской лжи. Врал он напропалую. И фирма английская, и зарплата на порядок выше, чем у остальных, и рейсы короткие. Моряки велись. Охотно покупали у Балалайкина «бланки контрактов», как он их окрестил, по 10 долларов. Расчет его был прост. Мало? кто ему верил до конца, но сумма оплаты была пустяковая и большинство решило: «А вдруг?».

Торговля бумагой шла бойко. Собралась нешуточная толпа. Даже ушлые китайцы-продавцы вышли посмотреть. Но их, скорее, интересовал не сам товар, а виртуозное умение торговать, показанное Михаилом. Чем больше десяток опускалось в карман Балалайкина, тем сильнее он чувствовал, что пора сваливать. Но золотой телец

арканом держал его на месте. Чтобы как-то придавить страх перед возможной расплатой, Миша без умолку говорил, хлопая восклицательными знаками по ушам слушателей. Его честные с виду глаза смотрели на окружающих с подкупающим наивом.

— Переверните свою жизнь! Хватит горбатиться за копейки! Уже после первого рейса вы сможете купить своей семье квартиру. Да что квартиру — дом! Огромных размеров дом. С бильярдом, бассейном, сауной, зимним садом и конюшней. После второго рейса вам по силам будет приобрести небольшой поселок или несколько пятиэтажек в городе.

Толпа желающих изменить свою жизнь, изумленная, притихла. Миша, с ужасом поняв, что переборщил, осекся. Повисла недобрая пауза. Обстановку, если можно так сказать, разрядил не известно как здесь оказавшийся, Славик-хохол.

— О, Мыхайло! А ты шо тут робыш? Тебя на судне Николаич искал. Палубу треба красить.

Афера, так блистательно начавшаяся, бездарно рухнула. Необходимо было спасти хотя бы то, что удалось собрать. Идея уже погибла.

Спасение пришло неожиданно. Два полицейских-индуса, привлеченные шумом в торговом центре, подошли к столу в нужный момент — толпа уже обступила Михаила и развязка

была не за горами. Миша, внутренне готовясь к побоям, вдруг понял, что судьба дает ему шанс. Он изловчился и сбил с одного из служителей закона фуражку. Расплата последовала незамедлительно. Мише заломили руки, одели наручники и повели в участок. По дороге, когда опасная толпа уже скрылась из виду, Балалайкин сказал:

— Извините, офицер! Я случайно. Готов компенсировать моральный ущерб.

Сошлись на 50 долларах.

Уже на судне Миша пересчитал деньги. Вышло почти полторы тысячи.

— Очень неплохо, — отметил он и слегка потер переносицу, — хотя, могло бы быть и лучше. Где этот урод Славик?

Хохол пришел на судно только под вечер. Он был весь увешан коробками с малайской электроникой. Вид имел усталый, но довольный — добыча досталась ему тяжело, но дешево.

Миша к вечеру остыл и разборки со Славиком решил не устраивать.

— Все равно не поймет.

Глава 17

Ремонт «Океанской надежды» был подобен взрослению ребенка: для своих он, казалось, двигался крайне медленно, а для посторонних

летел, как на крыльях.

Когда от постоянного треска обдирочных машинок у Брумбеля начала болеть голова, а запах краски стал вызывать изжогу, он решил прогуляться по тенистым улицам прекрасного Сингапура. Вызвав в свою каюту штурмана Ниточкина и отдав ему необходимые распоряжения, он покинул борт судна.

Однако, добраться до города ему было не суждено. Возле проходной судоремонтного завода он встретил своего товарища по институту Алексея. Друзья обнялись.

— Яшка! Дружище! Как здесь оказался?

— На ремонте стоим. На «Оушен хоп» сейчас капитаню.

— Не понял! Ты же в кадрах сидел, как я слышал.

— Жизнь заставила в моря податься, — сказал Николаич и тяжело, как прапорщик перед ревизией, вздохнул.

— Да и я, видишь, мареманом заделался. Бежишь сейчас куда?

— В город сходить хочу. Купить кой-чего. Да и так, развеяться.

— Ты этот город на потом оставь. А сейчас пошли ко мне на судно коньячку выпьем. Молодость вспомним, за жизнь поговорим. Когда еще я в Сингапуре, на краю Земли, однокашника

встречу.

Николаич был, конечно, рад встрече со старым другом, но какое-то нехорошее предчувствие у него от чего-то появилось.

— Может быть завтра?

— Никаких «завтра»!

Алексей схватил под руку Брумбеля и поволок его на свой пароход.

Судно Алексея было значительно больше «Океанской надежды». Он был старшим помощником и, согласно должности, занимал огромную каюту, состоящую из приемной, кабинета, спальни, душевой и туалета.

Николаич неискренне порадовался за отличные жилищные условия друга и сел в предложенное ему кресло. Алексей вызвал буфетчика и заказал закуски. Открыв массивный сейф, он достал бутылку коньяка и рюмки. Когда сервировка стола была завершена, хозяин поднял стопку и произнес тост:

— За встречу!

Николаич нехотя выпил. Дальше пошли обязательные в таких случаях воспоминания. Чуть позже появилась вторая бутылка, и Брумбель захотел в туалет.

— Где тут у тебя удобства? — спросил он у Алексея.

Тот почему-то смутился.

— Ты знаешь, у меня там... в общем, у меня там живет обезьяна.

— А... а почему в туалете?! — Яков Николаевич был настолько удивлен, что забыл на время о своем естественном желании.

— Ну, там прохладно. Да, и вообще.

— Покажи хотя бы ее.

Алексей вышел и через минуту вернулся с небольшой обезьянкой. Он вел ее, как собаку, на поводке. Николаич оживился.

— А зовут как?

— Как и всех обезьян — Микки.

Брумбель решил погладить животное, но та, ловко увернувшись от его руки, вскочила ему на плечо и тут же стала копаться в его волосах, разыскивая насекомых. Николаич воспринял это, как дружеский жест. Алексей призадумался и, внезапно посветлев лицом, сказал:

— Яша, а давай я тебе ее подарю.

Николаич, отбиваясь от ставших уже назойливыми обезьяньих ласк, ответил:

— Но она же, наверное, кучу денег стоит.

— Что могут значить деньги между друзьями? Забирай!

К себе на пароход Яков Николаевич шел с гордо поднятой головой, хотя и слегка ошарашенный. С одной стороны, это была явно дорогая вещь, если можно так сказать о живом

существо. С другой же стороны, он абсолютно не представлял себе, что будет с ней делать. «До России как-нибудь доведу, а там посмотрим. Может, продам», — успокаивал он себя.

На судне Микки полюбили сразу. Славик соорудил для нее в каюте у Николаича небольшую лежанку. Кок Лысый принес всевозможных продуктов, которые, в его представлении, потребляют обезьяны. Остальные ограничились поглаживанием зверя. Но любимцем экипажа Микки пробыла всего несколько дней. Быстро адаптировавшись, обезьяна принялась подстраивать судно и моряков под себя. Первое, что она сделала, это попыталась выжить рабочих, производящих ремонт корабля.

Бригада слесарей, налаживающих в машинном отделении дизель-генератор, была неприятно удивлена, когда услышала, как сработала аварийная сигнализация. В машинное отделение стал поступать углекислый газ, необходимый для тушения пожара, но никак не для дыхания человека. Рабочие бросились к выходу. Напрасно! Микки его надежно заблокировала. Спас слесарей аварийный выход.

Николаич пил валерьянку, обезьяну закрыли в пустой каюте. Однако арест не охладил пыл Микки. Она смогла раскрутить «барашки» иллюминатора и выбраться на свободу.

Следующим объектом нападения обезьяна выбрала маляров. Рабочий, красящий борт судна с люльки, был весь облит краской из ведра, которое сбросила на него безжалостная мартышка. Потом она отвязала люльку, и маляр повис на страховочном поясе в нескольких метрах от железной палубы дока.

Когда Николаич увидел болтающегося на веревке и дико орущего человека всего зеленого, за бортом своего судна — он потерял сознание.

Микки посадили на цепь. Разнообразные проделки теперь копились в ней, не находя выхода. И все же удачный момент для того, чтобы еще раз попытаться доказать людям, что теория Дарвина — фигня, у Микки возник. Ремонт подошел к концу, и судно поздней ночью спустили из дока на воду. В самый ответственный момент, когда «Океанская надежда» приобрела плавучесть и к ней подошли два буксира, чтобы подтянуть к причалу, ярко освещенное судно вдруг погрузилось во мрак. Это Микки дотянулась до забытой кем-то ножовки и перепилила электрический кабель, идущий на бак.

Буксиры потеряли «Оушен Хоп» в темноте, и судно навалилось на причал, получив при этом значительную вмятину, которую в дальнейшем нарекли именем Микки.

Очередную неприятность капитан пережил героически — видимо, проказы Микки его

закалили.

Обезьяну высадили на берег и полным ходом пошли в открытое море. Микки металась по причалу, не в силах понять, почему ее не взяли с собой в рейс. «Встречу Леху, голову ему оторву за эти обезьяньи приколы», — зло думал Николаич, стоя на мостике и наблюдая за тем, как первые лучи солнца покрывают розовой завесой горизонт.

Глава 18

Сингапур остался за кормой. Идти предстояло в разбросанную по островам Индонезию. «Океанская надежда», давно уже вступившая в преклонный возраст, скрипела на волнах, подобно колесу обозрения в парке культуры, когда на нем катается рота солдат. Море, готовясь к шторму, стонало, как рожающая слониха.

Брумбель вызвал на мостик Андрея Ниточкина.

— На Суматре будем брать груз: три с половиной тысячи тонн дизельного топлива. Возьми с собой боцмана и посмотри танки. Проверь также грузовую систему.

Николаич заглянул в какой-то справочник и продолжил:

— Подготовьте стальные концы и огнетушители. И пусть Вадик погоняет пожарный

насос.

— Добро, Николаич. Не волнуйтесь, погрузимся как надо.

— А кто волнуется?! Давай, действуй!

Переход был небольшим. Уже к следующему вечеру «Оушен Хоп», удачно миновав шторм, пришвартовался в порту Белован. Погрузка намечалась на завтра. Народу захотелось на берег. Яков Николаевич не возражал.

От порта до города было не близко, поэтому решили воспользоваться мопедами, которые предусмотрительный Славик насобирал на улицах во время стоянки в Японии.

Сборы были не долгими. Скотив байки по трапу, экипаж разделился. Николаич поехал искать почту, чтобы позвонить домой. Славик с Вадиком поехали искать пивбар. Лысый и Андрей Ниточкин решили просто погулять по городу. Скала остался на судне во избежание каких-нибудь новых международных инцидентов. Остался на пароходе и Балалайкин.

Хохол и Вадик Сочинцев довольно быстро нашли искомый бар. Пиво было низкого качества и не радовало языковые рецепторы, поэтому они решили пить кокосовый ликер Малибу. Закусывали курицей, приготовленной с бананами и специями.

— Яка гадость, — бурчал Славик, — то ли дэло горилка с салом.

— А мне нравится, — отвечал захмелевший Вадик.

К их столику подошел вертлявый азиат и английским шепотом спросил, не скучают ли господа.

— Чего ему треба? — спросил у Вадика Славик.

— Спрашивает, не скучно ли нам.

— Скучно. Кажи ему, нехай спляшет!

— Он не в том смысле. Девочек предлагает.

— А-а-а! Це добре! Я согласный.

Вадик тоже был не прочь пообщаться со слабым полом. Азиат исчез и через минуту привел пять размалеванных особ юного возраста. Девушки смущенно улыбались и прятали глаза. Видимо, их так учили.

Славик долго не рассуждал и выбрал ближайшую к себе девушку. Та тихо захихикала и повела боцмана в номера.

Вадик более тщательно произвел осмотр кандидаток. Его сердце покорила высокая голубоглазая малайка. Красивое лицо немного портил слегка приплюснутый нос. Стройность тела легко угадывалось за фиговым листком одежды. Смуглая кожа обещала быть нежной и бархатистой. Вадик загорелся, как пороховой склад. Он схватил девушку и быстрым шагом повел ее в лоно разврата. Та, едва поспевая за ним, что-то быстро

говорила. Вадик отмахнулся:

— После расскажешь.

— We are same! — настаивала девица.

Уже когда он вошел в номер, до Вадика сквозь хмель дошел смысл сказанного красавицей.

— Почему это ты считаешь, что мы с тобой одинаковые? — спросил он по-английски, снимая рубашку.

— We are same. You must now it, — настаивала девушка.

Вадик начал снимать штаны. Мозг его уже почти отключился.

— Точнее? — спросил он, чтобы закончить с этим вопросом и быстрее перейти к делу.

— I am boy.

Сочинцева чуть не хватил кондратий. Алкоголь из головы вылетел со скоростью пули.

— Чего???

— I am boy, — беспощадно повторило существо.

Вадик что-то слышал раньше про транссексуалов, но чтобы вот так, перед ним, да и еще в такой ответственный момент! Он неожиданно для самого себя, стал бить переодетого чувака. Тот плакал и не сопротивлялся.

Услышав шум, из соседнего номера прибежал Славик. Толком не разобравшись, он тоже стал бить трансвестита.

— Ах ты вражина! Она чего у тэбэ денгу подтырила, Вадик?

— Славик, это — мужик.

— Як?! — челюсть у боцмана отвисла.

Парень-девка, воспользовавшись
замешательством русских, улизнул из номера.

— Пидэм, Вадик, из этого бисова миста. Не горюй, хлопче, найдем других баб.

Но настроение у Сочинцева было безвозвратно испорчено.

— Пойдем лучше, Славик, водки где-нибудь найдем.

В городе они встретили Витю Крошкина и Андрея. Лысый был увешан цепочками из дешевого золота. Объединившись, они, с трудом найдя водку, присели на лавочке в небольшом парке. Славик за рюмкой рассказал о его с Вадиком злоключениях.

— Зато я жинке не изменил, — подвел итог боцман.

— Просто не успел, — смеялся Андрей.

За полночь вернулись на судно. Брумбель сидел в кают-компании. Он был настолько растерян, что его неуверенность тут же почувствовали вернувшиеся из увольнения.

— Николаич, что случилось? — тихо спросил Андрей.

— ГКЧП!

Повисла тяжелая пауза.

— И Миша пропал. С велосипедами, — грустно продолжил капитан.

Тишина отяготила еще сильнее. Андрей, подумав, что Николаич слегка погнался, предложил:

— А может вы, Яков Николаевич, в каюту отдыхать пойдете? Завтра погрузка, выспаться надо.

— Какая там погрузка?! — вспыхнул капитан, — в стране переворот. Домой звонил, а мне жена как сказала!

— А у нас в городе как? — спросил Вадик.

— У нас пока тихо. Местные власти, к счастью, не знают, что делать.

— А шо це за ГПЧК такая? — спросил Славик.

— Я сам толком не знаю. Но коммунисты опять к власти пришли. Я Балалайкину это рассказал, а он позже пропал. С велосипедами...

— Як с велосипедами? Я же их по всей Японии собирал! — сокрушался боцман.

— Вот с этим, по крайней мере, все понятно. Миша давно хотел за бугор свалить. А тут еще эти коммунисты, — сказал Андрей.

— А велики причем? — спросил Славик.

— Продал, наверное, местным, чтобы деньги на первое время были.

Члены экипажа немного помолчали и разбрелись по каютам.

Утром на полицейской машине привезли Балалайкина. Он упирался, но его все-таки погрузили на борт.

— Велики тэбэ не прощу, — сказал Славик.

— Это тебе за Сингапур, — хмуро ответил Миша.

Глава 19

— Ну, почему тебе, Михаил, так хочется остаться за границей? Ты сейчас даже не представляешь себе, как будешь тосковать по Родине. Звериная капиталистическая жизнь просто убьет тебя. Ты же не приспособлен жить рядом с хищниками. Это только кажется, что там красивая жизнь. За довольство и достаток там нужно биться. Биться каждый день, каждую минуту и каждую секунду. Ты готов к такой борьбе? — капитан расхаживал по палубе. Рядом с ним семенил хмурый Балалайкин.

«Оушен Хоп» после погрузки в Беловане проходил Малаккский пролив. Вода, ровная, как верстак стекольщика, слегка парила соленым туманом. Солнце поджаривало сковородку судна. Вокруг было тихо, как на похоронах у глухонемого. Вдоль далеких берегов приютились убогие хижинки на сваях.

— А что в «совке» делать? Там вон опять

коммунисты к власти пришли, — зло возразил Миша.

— Это временные трудности. Я считаю, будущее у России есть.

Невдалеке показались две лодки, стоящие в нескольких кабельтовых друг от друга. Ни Андрей, несший вахту на мостике, ни Брумбель с Мишей не обратили особого внимания на них. «Рыбаки, наверное», — подумал Андрей.

— К тому же, если ты сбежишь с судна, то поставишь весь экипаж и меня лично в очень неприятное положение. Что я доложу в компанию? Где возьму другого матроса?

— Сейчас не те времена — никто и разбираться не станет, кто там и где пропал. Не нужно это никому. А матроса в следующем же порту пришлют. Желающих много.

Когда лодки оказались на пеленге у судна, нос «Океанской надежды» зацепил веревку, связывающую лодки и те, следуя законам физики, быстро стали приближаться к борту судна. Этого на корабле никто не заметил.

— Согласен с тобой, ругать меня не будут, но ты не сбрасывай со счетов мою моральную ответственность.

В этот момент обе лодки почти одновременно стукнулись о борт судна. На палубу полетели веревки с «кошками». Зацепившись за леера, они

намертво закрепили лодки к пароходу. С них с быстротой гепардов на борт полезли вооруженные люди.

Это были малаккские пираты.

В мгновение ока они захватили судно и загнали весь экипаж в кают-компанию. Не было только Олега Скалы. Еще с утра его послал боцман в малярку за краской. Там он уютно устроился на старом матрасе и, несмотря на жару, заснул.

Николаич попытался что-то лепетать про международное право, но его быстро оборвал невысокий малаец в черном берете, видимо, главарь банды.

— Stop talking! — зло прокричал он.

— Что вам нужно? Денег? Но у нас их нет! No money! Компания еще не выдавала нам валюту. Только карманные деньги.

Но пиратов карманные деньги не интересовали. Им нужен был груз. Три с половиной тысячи тонн солянки были лучше, чем небольшие моряцкие зарплаты. Несколько бандитов обследовали судно и, войдя в кают-компанию, доложили о содержимом танков своему главарю. Тот заулыбался — куш был хорошим. Потом он посмотрел на сбившийся в угол экипаж «Океанской надежды» и вновь посуровел. Подозвав к себе двоих боевиков, он что-то быстро начал им говорить, кивая на русских.

— Пристреляют нас всех, — грустно пошептал на ухо Николаичу Андрей.

— Да какое они имеют право! Международный трибунал сурово покарает этих бандитов, — возмутился Брумбель.

— Где он, этот трибунал? Точно поубивают. Причем из наших же российских «калашей».

В этот момент мощная струя соленой воды ударила из открытого иллюминатора. Главарь банды и трое стоящих рядом с ним бандитов сбило струей, и они упали на палубу. Николаич не растерялся и отдал приказ своей команде:

— Вяжите их!

Дважды повторять приказ необходимости не было. Моряки бросились на малайцев, разоружили тех и связали. С автоматами выскочив на палубу, они открыли огонь по двум группам бандитов, находящимся в районе помпового отделения и на корме.

— Стреляйте вверх! А то все на воздух взлетим! — кричал Николаич.

Бандиты оказались смельчаками только против безоружных людей. Получив отпор, они тут же попрыгали за борт.

К морякам, еще не остывшим от короткого боя, подошел весь мокрый Олег Скала.

— Вот ты красавчик! — Вадик похлопал Олега по спине, — как догадался «пожарником»

пиратов окатить?

— Проснулся в «малярке», смотрю, чуваки какие-то с автоматами по палубе бегают. Думаю, беда, пацанов надо выручать. Оружия у меня нету, а рашкетками и кисточками не много навоюешь. Вот и решил водяным «пулеметом» воспользоваться.

— А пожарный насос как запустил? — удивился Вадим.

— Так ты же сам учил. Там два клапана всего открыть и кнопку нажать.

Подошел Николаич. Обнял Олега.

— Спасибо тебе, Скала! Выручил ты нас! Так, ребята, тех, что в кают-компании, тоже за борт. Ничего, до берега доплывут. Лодки их отвязать. Автоматы выкиньте и о произошедшем никому ни слова. Отписываться потом замучаемся.

Вечером Лысый приготовил праздничный ужин. Николаич разрешил выдать из артелки по бутылке вина. Взяв в руки бокал, он встал и с тихой радостью сказал: «Вот теперь я чувствую, что мы — экипаж».

Глава 20

Молодой европеец в белых шортах и синей футболке, пряча глаза за темными стеклами солнцезащитных очков, продвигался по шумным улицам Бомбея. Он поминутно останавливался и, с

трудом отловив кого-нибудь из смуглых вертлявых индусов, спрашивал по-английски:

— Где Комитет по делам миграции?

Местные понимали английскую речь, но не понимали молодого человека, который, к слову сказать, был не кем иным, как Михаилом Балалайкиным.

Еще с утра он улизнул с «Океанской надежды», которая успешно избежав пиратского плена, стала под выгрузку в Бомбее или Мумбаи, как этот индийский гигант называют сами индусы.

Огромный и запутанный мегаполис, расположенный на семи островах, оказался весьма сложным для новичка, и Балалайкин безнадежно заблудился. Старинные особняки викторианского стиля сменялись современными зданиями, мосты — площадями, а искомого госучреждения все не было.

Солнце уже было в зените. Его раскаленные лучи нещадно жгли город. Но, судя по всему, никто, кроме Миши, этого не замечал. По грязным тротуарам сновали бесконечным потоком озабоченные чем-то горожане. По улицам еле двигалась транспортная масса, состоящая, в основном, из легких своих видов. Непрестанно крича, рикши и их велособратья прокладывали себе дорогу. Шум стоял, как во время футбольного матча.

Выйдя на Набережную возле Триумфальной

арки под названием «Ворота Индии», Михаил невольно отвлекся от выполнения поставленной задачи. Невдалеке находились красивые здания колониальных времен. Пристроившись к туристической группе, по внешнему виду, скандинавов, он добрый час вместе с ними разгуливал среди сооруженных англичанами домов.

Однако, спохватившись, он углубился в город и стал снова приставать к индусам со своим вопросом. Незаметно для себя он забрел в рабочие кварталы. А это, надо заметить, вовсе не знаменитый на весь мир Боливуд, гордость Бомбея. Вонь там стояла такая, что казалось, будто тут вместо кошек и собак, держат скунсов. Население, замученное теснотой и вечными склоками, ненависти к пришельцу не скрывало. Пожилая толстая индуска в грязном сари, облила с балкона Мишу помоями.

Тот опрометчиво свернул в проулок, чтобы почиститься, где был тут же ограблен местной шпаной. Получив порцию слезоточивого газа из баллончика и почувствовав холодное лезвие ножа у горла, Балалайкин безмолвно отдал имеющиеся у него от аферы в Сингапуре и продажи велосипедов деньги. Забрав наличность, грабители моментально исчезли.

Когда злой, как сто чертей, Михаил вышел на дорогу, его тут же сбил похожий на «горбатый»

«Запорожец» автомобиль. Водитель объехал лежащего на мостовой Мишу и спокойно продолжил свой путь. Испытав такие коллизии, Балалайкин решил не придерживаться утреннего плана. Грязный, с болью в боку, разбитым коленом и слезящимися глазами, он побрел на судно. «Видно не для меня вся эта экзотика», — грустно подумал он.

В это время, когда Миша, как побитая собака, возвращался на пароход, Андрей и Олег, отпросившись у Брумбея, пошли на Бомбейский базар за сувенирами.

— Ты что купишь? — спросил Мелкий.

— Не знаю пока. Там посмотрим, — уклончиво ответил Олег. Конкретных планов у него не было, но и на судне сидеть не хотелось.

— А я статуэтку шестирукой богини Кали куплю.

Придя на торжище друзья растерялись. Они и представить себе не могли, каким огромным может быть базар. Тут же к ним подлетели торговцы, исповедующие активные методы продаж.

Мелкий и Скала, растерявшись от такого прессинга еще больше, даже взялись за руки. Индусы наседали. Андрей, отбиваясь от протягиваемой ему всякой хрени, прокричал:

— Ноу мани! Нет у нас денег, дятлы!

Торгаши, зло накупившись, разошлись.

— Андрюха, пошли на судно. Ну ее к лешему эту Кули.

— Кали, — поправил Мелкий. Тут он заметил симпатичную индуску, торговавшую чаем.

— Надо бы на судно чая взять. Хорошего, индийского, — сказал он и, подойдя к азиатке, спросил:

— Чаем торгуете?

Та английский знала и в весьма пространных выражениях подтвердила сей очевидный факт.

Мелкий начал неумело ухаживать. Скала стоял рядом и тосковал. После пятнадцатиминутной беседы Андрей знал, что девушку зовут Муида и что живет она одна тут же неподалеку.

Поскольку вечер вступал в свои права, торговля пошла на убыль. Муида закрыла свою лавку. Андрей, распаленный томными взглядами девушки, нес какой-то бред о сибирских лесах, но азиатка слушала его благосклонно. Чувствуя, что его не отвергают, Мелкий вызвался проводить ее домой. Муида согласилась. Скала, не знающий, куда себя деть, поплелся за парой. Изредка он гнусаво спрашивал:

— Андрюха, куда мы идем? Может, на судно пойдем?

— Идем пробовать чай. Нельзя же без пробы покупать. А на судно успеем. Выгрузка завтра

утром заканчивается.

Возле двери Андрей остановился и обратился к Скале:

— Олежа, ты тут с полчаса погуляй, пока я чай протестирую.

— А это... я как же?

— Я ж тебе говорю: погуляй. Я скоро.

Перед самым носом Скалы захлопнулась дверь. Он сел на стоящий рядом деревянный ящик и недоуменно проговорил:

— А чего меня чай пить не позвали?

Мелкий не появился ни через полчаса, ни через час, ни через два.

Олег, потеряв терпение, начал колотить в дверь. Минут через пять высунулся Мелкий. Он был раздетый.

— Ты чего тарабанишь? Ночь уже на дворе. Соседей разбудишь.

— А ты почему голый? — удивился Скала.

— Жарко здесь. А еще чаю попили. Ты не грусти, я скоро.

Вышел Андрей только под утро. Олег встретил его градом упреков.

— Ты что ж это делаешь? Мы же на судно опоздаем!

— Ничего, сейчас такси возьмем.

Но такси не было. На углу стояла одинокая повозка, в которой спал рикша.

Друзья растолкали работника общественного транспорта и приказали срочно везти их в порт.

Полусонный индус вез их крайне медленно.

— Опоздаем так! — занервничал Мелкий, — спишет нас Николаич.

— Все из-за тебя! Как можно до утра чай пить?!

— Ну и debil ты, Скала! Какой чай?! Она мне позы Камасутры показывала. А их, оказывается, много. Вот и припозднился.

Олег поменялся в лице.

— Ах ты гад! Ты там с девкой развлекался, а я на улице парился! Какой же ты мне друг, если не поделился?! Я, может быть, тоже бабу хочу.

— Хотел бы — имел бы. Ладно, это уже прошло. Теперь надо на судно успеть. Видишь, Олежа, какой рикша дохлый, невоготу ему такого борова, как ты, везти. Помог бы ему.

Олег слегка посомневался, но вылез из тележки и взявшись за длинный шест и отодвинув взмыленного индуса, сказал:

— Слабак! Смотри, как надо!

Скала попер тачку так, что затрещали колеса. Разжалованный индус на ходу вскочил в возок и тихо устроился возле Андрея — такой расклад его вполне устраивал.

Азиатская луна осыпала серебром весьма забавную картину. По притихшим улицам Бомбея

русский кузнец на бешеной скорости пер бамбуковую тележку, в которой сидели его довольный, как обожравшийся сметаны кот, его товарищ и мирно спящий индус-рикша.

Глава 21

Жизнь моряка — это вечное скитание. Меняются города, меняются страны. Разные народы сменяют друг друга. Природа то радуется буйством красок, то пугает унылостью северных пустынь. Самобытная архитектура, разные языки, обычаи и уклад жизни стремглав проносятся мимо морских скитальцев, как деревья за окном электрички. Напыщенная и гордая Европа сменяет наивную Африку, закомплексованная Латинская Америка — наглые Штаты, хитрая Азия — далекую Австралию. Судовой люд, уставший от океана, спешит на берег, покупает подарки домашним и мерит все на свой лад. Впечатления от увиденного наслаиваются и вскоре перестают волновать. И только выйдя на пенсию, просоленный боцман незаметно смахнет слезу, вспоминая улыбку стройной мулатки, у которой он покупал дешевые бусы.

Моряки «Оушен Хоп», как чайки за кормой их судна, оказались позади стремительно продвигающейся вперед свой Родины. Не могут они догнать-понять обновленную странную Россию,

выбирающуюся из-под обломков социализма. Оттого, может быть, и подались в дальние края в надежде пересидеть среди волн российское лихолетье.

«Океанская надежда», покинув Индию, устремилась в Африку. Форштевень резал волну, ветер не давал покоя либерийскому флагу, под которым был зарегистрирован танкер. Экипаж занимал себя судовыми работами. Миша и Олег очищали от ржавчины балластную цистерну на корме. Скала работал на совесть. Пыхтя и сопя, он усердно тер переборки железной щеткой. Балалайкина работа не вдохновляла. Он забрался в более-менее сухое место между шпациями и, прикрыв глаза, стал мечтать. Неудачи последнего времени слегка поохладили его пыл, но стремление каким — либо образом резко улучшить свое брэнное существование продолжали будоражить его фантазию. Какого-нибудь конкретного плана, как занять в мировом сообществе более достойное положение, у него не было. Он успокаивал себя тем, что все произойдет как-то само собой. Весь путь к богатству и славе его воображение прокручивало в ускоренном режиме. Это было неинтересно. Самое главное начиналось потом, когда уже есть и деньги, и почет. Он представлял себя на шикарной яхте. Его окружают грудастые блондинки, милые, как кошки, и такие же глупые.

Миша берет трубку и по спутниковому телефону звонит в покинутую им Россию. Звонит своему товарищу. «Привет, Максим! Как дела?» — «Это кто? Ты что ли, Балалайкин?» — «Да, я» — «А где ты?» — «Я — на Гавайях. Отдыхаю на своей яхте» — «Где?! На чем?!» — «Чем занимаешься, Макс?» — «Дома канализацию прорвало. Устраняю. Потом, когда закончу, пойду искать хлеб. Говорят, в 10 микрорайоне есть. Очередь, правда, два километра» — «Ну, ладно, пока. Пора ужинать» — «А что у тебя на ужин?» — «Омары, креветки, запеченная каракатица. На десерт — ананасы и бананы» — «Ух ты! Здорово!»

Большая капля конденсата, смешавшись с ржавчиной и приобретя от этого бурый оттенок, обретя необходимую массу, оторвалась от подволока, преодолев короткое расстояние, смачно шлепнулась на лицо Балалайкина. Приятный диалог, звучавший в фантазиях Михаила, прервался. Он недовольно открыл глаза и осмотрелся. На расстоянии протянутой руки он увидел прикрученный к переборке пакет коричневого цвета. Слегка озадаченный, Миша отвязал его и открыл.

Олег, работавший невдалеке, услышал приглушенный вскрик.

— Миша, ты чего там?

Гробовая тишина заполнила отсек.

Балалайкин смотрел на прозрачные камешки и молчал. Бриллианты весело лучились от едва пробивавшегося через люк света. Мишин мозг завис.

— Балалайкин, ты че? Что с тобой? Чего молчишь? — заволновался Олег.

Миша очнулся. Выйдя из ступора, он нарочито громко сказал:

— Все нормально, Скала. Работаю.

— А чего кричал?

— Палец поранил.

Первый шок у Миши прошел. Сверкая не хуже бриллиантов, он спрятал пакет за пазуху и полез наверх.

— Шабашим, Скала. Пора и перекурить.

Глава 22

Внутренняя жизнь Балалайкина после шальной находки круто изменилась. Однако внешняя продолжала оставаться прежней — он очень боялся, что команда заметит довольство на его лице и что-нибудь заподозрит. На всякий случай, он стал еще большим пессимистом, чем был. Зато, придя к себе в каюту, он тут же начинал отчаянно мечтать.

Судно же, не заметив крутого перелома в судьбе одного из своих матросов, подошло к

берегам Африки. Местный грузовой терминал не отличался высокой пропускной способностью и «Океанская надежда» жарилась на рейде, ожидая очереди. Используя неожиданный отдых, народ развлекался, как мог. Славик в каюте в очередной раз паковал японские трофеи. Олег тягал на бот-деке гири, вымещая излишнюю энергию из своего организма. Крошкин у себя в каюте примерял многочисленные вещи, приобретенные в портах захода и репетировал перед зеркалом амбициозное возвращение домой. Николаич на мостике изучал документы и карты и тосковал по дому. Андрей и Вадик, воспользовавшись неожиданной паузой, занялись рыболовством. Ловить решили акулу.

— Потом сфоткаемся с ней, — агитировал партнера Мелкий.

— И печень у нее вкусная, — осторожно заметил Сочинцев.

Не слишком рассчитывая на удачу, ловцы опустили мощный крючок, с нанизанным на него увесистым куском мяса, на толстой леске в воду. Как только наживка погрузилась в море, последовал мощный рывок и Вадик, державший катушку, на которую была намотана леска, упал и заскользил худым своим телом по палубе к борту. Отчаянно крича, он мертвой хваткой держал катушку. Древний инстинкт охотника придавал ему

силы. Мелкий пассивно наблюдал за динамично развивающимися событиями, лишь разинув рот. Вадик зацепился за леерное ограждение и в море не упал. Андрей, очнувшись от временного ступора, выхватил из рук Вадика леску и ловко намотал ее на находящийся рядом кнехт.

— Поймали! Акулу поймали! — кричал Мелкий, помогая подняться Сочинцеву.

Механик, пережив небезопасное приключение, его радости не разделял.

— А как мы ее вытащим?

Мелкий немного подумал и засиял:

— Есть идея!

Взяв выброску, они сделали вокруг лески петлю. Потом опустили удавку поближе к воде.

— Теперь давай вместе сделаем. Ты приподнимаешь акулу, на сколько сможешь, а я — затагиваю аркан, — штурман был возбужден и его слюна горячими каплями била по лицу Вадима.

— Хорошо, хорошо, я все понял.

— Поехали!

Сочинцев уперся ногами в кнехт и потянул катушку на себя. Акула, видимо, устав от борьбы, сопротивление оказывала не сильное. Через время она показалась на поверхности. Это была рыба-молот. Мелкий быстро опустил удавку, зацепил ее за рога-глаза морской хищницы и резко затаянул.

— Есть!

— А дальше что?

— Сейчас конец наматываем на турачку брашпиля и тянем.

Вадик сбегал в машинное отделение и дал питание на брашпиль. Турачка крутилась, рыба-молот медленно поднималась вдоль борта. Когда она была уже на палубе, возник вопрос, что с ней делать дальше.

— Давай ее пока в бассейн бросим, а завтра что-нибудь придумаем. Может Лысый из нее рыбных котлет понаделает. Ну, и здоровая же она. Ладно, давай, потащили.

С трудом подняв двухметровую слегка притихшую рыбину, друзья отнесли ее в бассейн.

День катился к своему завершению, обещая скорую прохладу. Ночью было тихо, как в клубе глухонемых.

Утром Брумбель проснулся в прекрасном расположении духа. У людей, переваливших за пятый десяток, это бывает довольно редко. Поэтому капитан решил углубить позитив. Он взял полотенце, надел плавки и шлепанцы и пошел к бассейну. Слегка размявшись и похлопав себя по бокам, он разогнался и прыгнул в бассейн. Приятная прохлада с брызгами приняла его в свои объятия. Тело, приобретя необходимый тонус, пело от счастья. Николаич, переполненный бодростью и

душевной гармонией, открыл под водой глаза. В полуметре от него неизвестное чудовище висело в толще воды, лениво перебирая хвостом. Взгляд его расположенных на рогах глаз был зловеще спокоен.

Если бы существовал такой вид спорта, как выпрыгивание из воды, то Яков Николаевич, несмотря на свой возраст, вполне смог бы претендовать на установление мирового рекорда.

Стоя на краю бассейна и трясясь всем телом, капитан пытался понять, как рыба-молот смогла запрыгнуть на судно. Отойдя от потрясения, он закричал:

— Боцман! Боцман! Боцмана ко мне!

Через минуту прибежал Славик.

— Это что? — спросил Николаич, показывая рукой на бассейн.

— Бассейн, — удивленно ответил боцман.

— Я и так вижу. В нем что?

— Вода.

— В воде что, идиот?!

— Ого! А шо це таке?

— Это я хотел бы у тебя узнать!

— Не знаю, Николаич. Акула, вроде. Тильки з рогами.

— Это рыба-молот. Что она делает в нашем бассейне?

— Плавает.

— Как она сюда попала?

— Не знаю.

— Зови сюда всю команду.

Допрос экипажа ничего не дал. Вадик и Мелкий молчали, рыба-молот, как ей и положено, тоже. Остальные просто не знали. Дальше возник вопрос, что с ней делать. Не возить же с собой по всему миру. Да и купание в бассейне теперь представлялось проблематичным.

— Давайте воду спустим, и она сдохнет.

Решение было здоровое, но ситуацию осложняло то обстоятельство, что пробка, закрывающая сток воды, вышла из строя и в отверстие был вставлен деревянный чоп. Вытащить его можно было, только если нырнуть в бассейн.

— А давайте накормим акулу до отвала мясом, а потом кто-нибудь нырнет и вытащит чоп, — предложил Мелкий.

— Ты предложил, вот ты этим «кем-нибудь» и будешь, — приказал капитан.

— Мне нельзя, меня дома мама ждет, — испугано сказал Андрей первое, что пришло в голову.

— Всех мама ждет. Витя, носи мясо. Олег, держи Ниточкина. Как акула наестся, кидай его в воду.

Рыба-молот наедалась долго, удлинняя агонию Мелкого. Видя, как мучается не переполненный героизма Андрюха, его подельник Вадик сказал:

— Скала, отпусти его. Я нырну.

Мимо пораженного его самоотверженностью и благородством экипажа Вадик прошел с гордо поднятой головой.

— Спасибо, друг! — крикнул Андрей.

Вадик разбежался и прыгнул в бассейн. Обожравшаяся мяса акула лишь слегка повела своими круглыми глазами. Сочинцев быстрыми движениями расшатал чоп и вырвал его из отверстия. Вынырнул он возле бортика, где его схватили Скала и Славик и вытащили из воды.

На ужин Лысый приготовил суп из акульих плавников и рыбные котлеты.

— Спасибо, брат! — с чувством сказал Никочкин Вадику, когда они вышли из кают-компании, — спас ты меня.

— Да ладно, что уж там. Я когда-то в энциклопедии читал, что рыба-молот на людей не нападает.

К ночи танкер поставили под погрузку. Краткосрочный отдых закончился, уступая место трудовым будням.

Глава 23

Красное море пылало жаром, как только что сваренный борщ. «Океанская надежда» с полными танками африканского мазута, аккуратно резала

килем ровную, как стекло, поверхность воды. Яков Николаевич нервно ходил по мостику и задавал сидящему на стуле Андрею глупые вопросы:

— Как мы Суэцкий канал проходить будем? Это же какая ответственность! Там от берега до берега доплунуть можно. Ты сможешь пройти? Наверняка нет. Что нам делать? Может, сообщить в компанию?

— Николаич, не парьтесь. Пройдем как-нибудь. Вы же сами говорили: «Не боги горшки обжигают».

— «Не боги»!.. Тут другая ситуация.

— До этого же все шло гладко.

— Вот именно. Похоже, конец форта наступил.

— Николаич, еще ничего не случилось.

— Когда случится — поздно будет.

Андрей, осознав бессмысленность попыток успокоить капитана, пошел в каюту.

Суэцкий канал неумолимо приближался. Прямо перед самыми створами судно облепили, как мухи забытое на веранде варенье, углые суденышки местных торговцев. Они, как обезьяны по лианам, шустро залезли на борт по веревкам и тут же на палубе разложили свой товар.

— Кожа-можа! Падхады, рюский! Дешево дам!

Андрея, наблюдающего через иллюминатор,

как Славик выторговывает у араба черную кожаную куртку, осенило. Он выскочил из каюты и по трапу спустился на палубу.

— Эй, правнуки фараонов, а среди вас моряков бывших нет?

Торговцы загалдели и, недолго посоветовавшись, выслали делегата.

— А зачем тебе, рюский, моряк?

— Нужен.

— Я когда-то плавал.

— А Суэц проходить доводилось?

— Очень много раз.

— Отлично! Пойдем со мной. У тебя есть шанс немного подзаработать.

— Немного?

— Та делов-то на копейку. Пошли.

Поднявшись на мостик, сияющий Мелкий представил араба капитану:

— Вот, Николаич, наш рулевой! Канал знает, как свои пять пальцев.

Араб зарделся, как девушка на первом свидании. Но отгордившись, перевел разговор в деловое русло:

— А сколько денег дашь, если судно проведу?

— Двадцать долларов, — ответил Брумбель.

— У-у-у! Мало.

— Пятьдесят.

— Сто.

- Шестьдесят.
- Восемьдесят.
- Семьдесят.
- По рукам!

Араб не только появился очень кстати, но и не обманул — провел судно по узкому каналу без замечаний. Николаич во время всего пути следования стоял за спиной рулевого-араба, трясясь так, как будто работал с отбойным молотком. Мелкий же, смотря на песчаные пустыни по берегам, вспоминал родные черноморские пляжи.

Выйдя в Средиземное море, судно сбавило ход. Николаич рассчитался с египтянином и довольный пошел в каюту. «Хоть здесь повезло», — с радостью проговорил он, погружаясь после всех переживаний в глубокий сон.

Глава 24

Вполезности для общества тайных незаконных организаций, называемых в народе емким словом «мафия», есть большие сомнения. Они грабят, убивают, заваливают молодежь наркотиками, а зрелых мужчин — проститутками. Вред от них очевиден. Но, несмотря на всю титаническую работу полиции, милиции и прочих «ции», извести на корню сплоченных бандитов не удавалось никогда. Мужчины с повышенной

агрессивностью лишь становились хитрее и изворотливее. Более того, мощные кланы во многих странах небезуспешно внедряются в экономику и влияют на политику государств. Они, как поражающий организм рак, выбирают слабые места и активно подчиняют их своей власти.

В Осаке на конспиративной квартире проходила сходка одного из кланов Якудза. Открыл заседание оябун:

— Месяц назад мы отправили груз нашим американским партнерам. В счет оплаты партии кокаина, которую мы получили на этой неделе. Груз был отправлен на греческом судне. Экипаж в известность не ставили, — засмеялся пахан, и все угодливо заулыбались.

— А если судно не зайдет в Штаты? — когда все отсмеялись, угрюмо спросил старый бандит. Он до сих пор ходил в бригадирах и втайне завидовал оябуну.

— Главное было вывезти груз из Японии. Через нашего человека в Греции мы отслеживаем перемещения «Оушен Хоп». Через месяц судно будет в Америке. Туда полетят двое наших людей, чтобы снять груз и передать американцам. Тамун и Ямокадо прятали груз, они и полетят в Штаты.

Названные якудза вскочили со своих мест и подобострастно поклонились.

— Спасибо, оябун, за доверие. Мы оправдаем

его.

— Хорошо. Теперь дальше. Вчера полиция арестовала двадцать корейских проституток. Наш человек сказал, что необходим выкуп. Нужно собрать деньги с казино.

Дальше главный мафиози определил бойцов для рэкетирования игорных заведений и глубоко за полночь закрыл сходку. Мафиози вышли из дома и растворились в черной, как их дела, японской ночи.

Глава 25

— Андрей, добавьте на баке еще один шпринг. И посмотри, может прижимной покороче взять, — командовал с крыла мостика Николаич. Удачный проход Суэцкого канала и не менее удачный заход в генуэзский порт добавили ему профессиональной уверенности.

Яков Николаевич уже был не тем боящимся всего юнгой — капитаном, каким он был в начале рейса. Предыдущие неудачи научили его многому и закалили характер. Море редко кого оставляет в изначальном состоянии. Оно либо ломает человека, либо делает его крепче.

На борт поднялись береговые рабочие и подсоединили шланги. Заурчали насосы и африканский мазут, подогретый до необходимой температуры, потек по трубам в береговые

резервуары.

Балалайкин, переодевшись после швартовки, подошел к Брумбелю.

— Николаич, у меня вахта вечером. Можно я в город схожу?

— Нет, одного тебя я не пущу.

— Это почему еще?

— Опять сбежишь.

— Не собираюсь даже.

— После обеда с Ниточкиным и Бугаевым пойдешь. Все, и не уговаривай!

Миша пошел назад в каюту, вытащил из-за пазухи сверток с бриллиантами и положил его в нишу за переборкой. Тяжело вздохнув, он пошел на завтрак. В кают-компании сидели Ниточкин, Вадик Сочинцев и Славик. Витя накрывал стол.

— О, эмигрант пришел! — весело крикнул Андрей.

— Чего такой грустный, хлопчик? — спросил Славик.

— Да ну вас! — сказал Миша и сел возле иллюминатора.

— Миха, ну вот, положим, ты сбежишь. А на что жить будешь? Там же за бесплатно ничего нет.

— А может у меня есть деньги, откуда вы знаете?

— Это восемьсот долларов, что ты за месяц заработал?!

— А может и больше, — тихо проговорил Миша, но Славик услышал эти слова.

— Все равно убегу, — твердо сказал Балалайкин после паузы.

После завтрака Андрей поднялся на мостик.

— Николаич, а Балалайкин опять сбежать хочет. Сейчас в кают-компании говорил.

— Вот же гад! А мне говорил, что не будет. Позови сюда Подбочко и Бугаева.

Когда боцман и матрос поднялись на ходовой мостик, Николаич продолжил:

— Вот что, мужики. Балалайкин опять хочет сбежать, чем, безусловно, поставит всех нас в очень неприятное положение.

В компании мы пока на хорошем счету, но если у нас пропадет матрос, все может измениться. Так что слушайте мой приказ. Изловить Балалайкина, связать его и посадить под замок в артелку. Будем выпускать его только в море.

Искать долго Мишу не пришлось. Он сидел на корме, с тоской смотря на видимый вдалеке гонуэзский рыбный базар.

— Ты уж извиняй нас, хлопче, но приказ кэпа — закон, — сказал Славик и ловко схватил Балалайкина под мышки.

Скала, как клещами, сжал Мишины ноги и обмотал их веревкой.

Подпольный миллионер бился за свою

свободу энергично, но безуспешно. Вскоре он оказался связанным и запертым.

— Ничего, гады, будет и на моей улице праздник. Да еще и с фейерверками и салютами. Дайте только время.

Пока Миша томился в застенках, экипаж готовился после выгрузки к выходу в море.

Генуя — один из красивейших городов северной Италии, столица итальянской Ривьеры, родина Колумба. Узкие улочки исторического центра петляют между великолепных зданий, построенных очень давно, тогда, когда архитектура была призвана радовать глаз, а не пугать уродством форм. Изящные дворцы, неповторимые церкви, площади, помнящие все перестуки истории, средневековый маяк — всего этого не увидели российские моряки с «Океанской надежды» из-за краткосрочности стоянки в порту. В дальнейшем они об этом, конечно же, пожалеют.

Глава 26

Вполне комфортно отстоявшись в Генуе, «Океанская надежда», гонимая здоровой алчностью владельцев компании «Адриатик», пересекла Средиземное море и оказалась в алжирском порту Скигда. Там ее загрузили нефтью и направили в американский Бостон.

Переход был длительный, и команда, чтобы не заскучать, развлекалась.

Вечером в кают-компании Андрей, Скала, Славик и Крошкин играли в домино.

— Шестерка пошла.

— Дуплюсь.

— Три очка пишу.

— Скала, блин, ты что ставишь?! Тройка — дом!

— Слышь, пацаны, а куда мы после Штатов пойдём? — спросил Крошкин.

— До этих Штатов еще дойти надо, — ответил Скала, — ставь, Андрюха, твой ход.

— Пятерка пошла. Николаич радиogramму получил: из Бостона через Панамский канал пойдём на Папуа-Новую Гвинею. А потом! Внимание! Во Владивосток!

— Класс! В Россию уже очень хочется.

— И товар, может быть, до хаты отправим, — задумчиво проговорил Славик.

В этот довольно радостный момент кто-то вошел в кают-компанию. Игроки дружно обернулись. То, что они увидели, заставило вытянуться их лица и остекленеть глаза. Из окаменевших рук на стол со стуком посыпались костяшки. Андрей зашевелил губами, пытаясь что-то сказать, но звук не вышел наружу. Скала глупо моргал глазами — ресурсов его головного

мозга не хватало для более-менее разумного трактования возникшей ситуации. Крошкин застыл, как человек намеревающийся убить комара. Славик начал почему-то ощупывать карманы.

Вошедший что-то истерично говорил по-немецки. При этом он часто вскидывал правую руку. Атмосфера накалилась, как спираль в лампочке.

В конце концов, Андрей выдавил из себя слово.

— Гитлер! — хрипло промолвил он.

Длинная челка, маленькие усы кубиком, злые глаза, фашистский крест на галстучке и красная повязка со свастикой на рукаве пиджака, все говорило о том, что это был бесноватый фюрер. Разум Андрея говорил ему, что это невозможно, а глаза видели обратное. От тяжелого психологического заболевания всех спасло то, что Гитлер вдруг засмеялся. Андрей тут же понял, что это переодетый механик Вадик.

— Ах ты, скотина! Ты же нас чуть с ума не свел! — закричал Андрей.

Судя по сильно поглупевшему лицу Скалы, слово «чуть» подходило не для всех.

Вадик небрежно отклеил усы, снял фашистские атрибуты и убрал со лба челку.

— А не фиг в домино играть. Вахту надо нести.